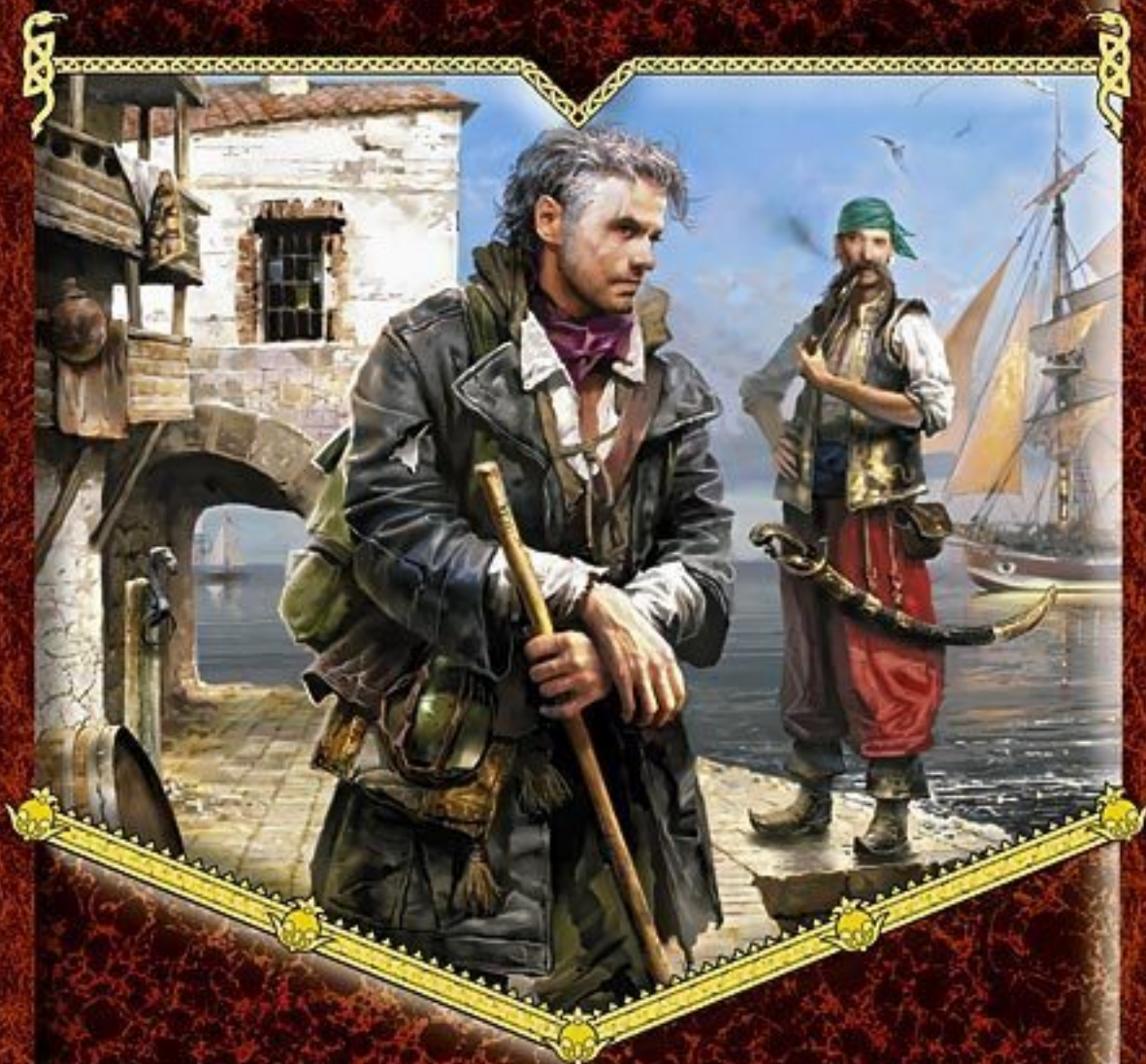

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

НИЩИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Нищий

Евгений Щепетнов

Нищий

«Щепетнов Евгений»

2012

Щепетнов Е. В.

Нищий / Е. В. Щепетнов — «Щепетнов Евгений»,
2012 — (Нищий)

ISBN 978-5-9922-1280-8

Его забыло государство, которому он отдал свое здоровье, он опустился на самое дно... и вдруг попадает в параллельный мир – мир, где магия обычна, где живут гномы и эльфы. Он начинает с профессии нищего и, используя свои способности офицера спецназа, поднимается все выше и выше, становясь магом и воином. Он путешествует через моря, бьется с пиратами, находит друзей и любовь... Это рассказ о человеке, который выживает всегда и везде.

ISBN 978-5-9922-1280-8

© Щепетнов Е. В., 2012
© Щепетнов Евгений, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	41
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Евгений Щепетнов

Нищий

Пролог

В подземелье было темно, и лишь свет из далекого люка, в который сквозь решетку стекались нечистоты из канав вдоль мостовых, освещал тоннель. Седой осторожно сделал несколько шагов, сцепив зубы от боли, – изорванная осколками нога отказывалась работать в такой сырости, да еще при перемене погоды, но он привычно преодолел себя и двинулся дальше. За углом послышался шорох... Седой медленно освободил из палки, на которую опирался, стальное жало стилета и замер.

– А-а-а-а! – Вдруг выпрыгнул из темноты человек плотного телосложения, рассекая воздух огромным тесаком. – Урод, умри!

Седой автоматически уклонился от удара, переместив вес на здоровую ногу, и выбросил стилет вперед, пронзив грудь нападавшего – тот захрипел и мешком опустился на грязный пол тоннеля, заваленный обломками деревьев и гниющими нечистотами. Седой вытер клинок о его одежду и мягко вставил на место в палку, потом на ощупь, матерясь про себя и пачкаясь в крови, обыскал труп.

– Кошель, нож, магический амулет... непонятно какой, тесак... упс! Это что за бумага? Уж не объявление ли о награде за мою голову? Якоря нет, а его деяния живы? Потом почитаю.

Он спрятал свиток за пазуху и, шаркая и подволакивая больную ногу, пошел вперед, как подбитый ядовитый паук.

Глава 1

Первое, что я увидел, открыв глаза, – плавающее над головой лицо, сморщенное как орех, с гнилыми зубами, издающими невыносимый запах, как будто что-то давно протухло и догнивает последние дни. Я уже встречал в жизни такого человека – Сергея Ткачука – на вид интеллигентного, в очках и костюме, от которого исходило такое зловоние изо рта, что рядом с ним нельзя было сидеть, не отвернувшись в другую сторону. Зловонное лицо что-то сказало, я не мог распознать, что именно, и переспросил:

– Что?

– Аракак суран ху?

– Не понимаю! – Я с тупой обреченностью стал всматриваться в старика – а это был именно старик. – Я не понимаю, что вы говорите!

Старик сказал еще несколько фраз, потом отчаялся что-то мне втолковать, схватил за руку и потянул за собой, показывая на небо. Я с трудом поднялся, поискал рукой свой батожок, нашел, оперся на него и встал, покачиваясь, как корабль на крупной зыби. Голова закружилась, стало дурно, и меня вырвало на бульжники мостовой утревшим беляшом, которым закусывал паленую водку. Старик покачал головой – похоже, запах перегара донесся и до него. Я возмутился: с таким-то «ароматом» изо рта, да перегар одеколоном покажется! При мысли об одеколоне меня тоже чуть не вырвало – пил я и его... что попадалось, то и пил.

После того как меня комиссовали из армии, изрубленного осколками гранаты и исколотого пулями, мне оставалось или снаркоманиться, или же пить горькую, чтобы забыть. Забыть войну, забыть кровь, забыть эту боль, которая терзала мое израненное тело днем и ночью. И вот теперь я – старший лейтенант, бывший десантник, разведчик – находился на пустыре, неизвестно где, рядом с вонючим стариком в диких обносах.

Мать у меня умерла, когда я был еще на войне, я даже не смог попрощаться с ней – в это время мы как раз отбивались, в окружении сотен «воинов Ичкерии», недовольных тем, что мы разгромили их базу в горах. Если бы не вертолетчики, раздолбавшие их и сделавшие нам проход на волю, я не стоял бы сейчас на этом грязном пустыре. Много раз я думал: а зачем? Зачем я остался жив? Сейчас бы лежал рядом с матерью и отцом, за одной оградкой, и мы наконец-то соединились бы, стали одной семьей. Отец погиб раньше, в Заводском районе, где мы жили всегда. Он шел на ночную смену, и его зарезал наркоман в поиске жалких грошей, – ну что он мог взять у мужичка с авоськой, в которой тот носил на работу свой нехитрый обед? Я решил тогда для себя: надо вырваться, вырваться из этой безнадёги. Но куда я мог пойти, здоровенный пацан, рост сто девяносто сантиметров, учившийся в школе номер одиннадцать, где быть отличником считалось западло. Их называли лохами и ботанами и били, вымещая на них свою злобу и зависть, – так всегда поступали с теми, кто был слабее или умнее.

Мне была дорога или в бандиты, или в армию. Кстати, безразлично: и то и другое было для меня равнозначно, вот только в бандитах – недолгий срок «красивой жизни», а потом ты труп, а в армии нет красивой жизни, но при удаче – как-то можно выбраться, да и подзаработать тоже.

Я выбрал армию. Сумев поступить в десантное училище, я быстро там выдвинулся в первые ряды. Главное было – соблюдать правила – и тебя накормят, напоят, скажут, что делать, – и мозг не нужен. Главное – быстрая реакция, твердые мышцы и четкое выполнение приказа. После выпуска я попал на переподготовку – специальные курсы разведки, где учили убивать наиболее эффективными способами, от автоматических гранатометов до удавки и шила, а еще – хоть немного думать, планировать операции. Так я стал командиром разведроты – это было ее официальным названием, но на самом деле она являлась карательным отрядом. Мы ходили в тылах боевиков и вырезали всех, на кого нам укажет перст командования. Много

пришлось пролить крови, до сих пор мне снятся лица убитых. Может, это и привело к тому, что я стал законченным алкоголиком?

Но как бы то ни было, в последнем прорыве я стал беспомощным и никому не нужным инвалидом – без профессии, без денег и без здоровья. Если бы не мое чудовищно тренированное тело, я давно бы сдох под забором, но организм все сопротивлялся – печень не хотела умирать, хотя я убивал ее литрами мерзкой «паленки», а мышцы, пусть и слегка обмякшие после года лежания в госпитале, могли легко порвать любого, кто осмелится мне перечить. Трижды я был в отделении милиции, за пьяный дебош. Дважды какие-то сопляки насмеялись над моей ковыляющей походкой – я переломал им ребра, но и меня хорошенько запинали. Ну что я, калека с почти не сгибающейся правой ногой, мог сделать против двадцати уродов, которые кричали «Алла акбар!» и насмеялись над стариком – однако я сделал, что мог, как всегда, бился до последнего.

Один раз попал в милицию за то, что избил соседа, толстомордого хряка, который ставил свой «мерседес» носом прямо к крыльцу, ведущему в подъезд. Ему было так удобнее, а когда я попросил его убрать машину, потому что всем трудно проходить, особенно мне, он заявил, что ему плевать на всех, а особенно на такого... алкаша. Его потом едва откачали, после удара в солнечное сплетение, – чистый нокаут. Если я и выглядел как старик – седой, заросший поседевшей бородой, так под моей одеждой скрывались еще не умершие мышцы, и тело знало, как их использовать.

Мне было всего тридцать лет, а выглядел я как семидесятилетний старик. Волосы на голове были белые как снег, а моя густая борода седа, как у столетнего аксакала. В общем, последние три года я усиленно добивал себя. Покончить с собой не хватало духу, да и стремно как-то – зачем тогда Бог вынес меня из чеченской мясорубки? – но и жить не хотелось. Орден Мужества лежал в шкатулке, единственной вещи, сохранившейся от матери. Остальное я раздал или продал за копейки в приступах пьяного угара.

Старик опять прикрикнул, и я заковылял за ним, перебарывая знакомую боль в ноге. Мне не впервой было по пьянке просыпаться в незнакомых местах, но этого я никогда не видел раньше. Это был большой пустырь на краю города. Уже смеркалось, а в городе не горело ни одного фонаря, по булыжным мостовым с грохотом ехали одинокие, запряженные лошадьми повозки – от простых телег до карет. Я с удивлением тряхнул головой – что за наваждение? Где я? Голова разболелась еще больше, думать не хотелось – все потом. Обдумаю. И я двинулся за стариком, уже заворачивающим за угол старого строения с проваленной крышей.

Мы шли еще минут пятнадцать, наконец он что-то сказал, показал рукой на нору, ведущую под большой дом, и нырнул в нее – сразу, как провалившись в преисподнюю. Я последовал за ним. Оказалось, вниз вела лестница, очень крутая, и, если не знать, что там ступеньки, можно было слететь и как минимум набить себе синяков и шишек, а может, и сломать шею. Я все-таки удержался на ногах и медленно, опираясь на палку, сполз вниз. Лестница упиралась в дверь, висевшую на толстых железных петлях, за ней находилась довольно большая комната – видимо, раньше это был или склад, или какое-то другое подвальное помещение, – в углу стоял стол, на котором старик уже разжег свечу, бросающую неровные отблески пляшущего пламени на грубые каменные стены, украшенные потеками и пятнами плесени. Он показал на табуретку возле стола, и я сел, пытаясь понять, на каком языке он говорит. Его речь ни на что не была похожа, хотя он и пытался объясниться на разных языках, – фраза повторялась, и было ясно, что он спрашивал: кто я такой и откуда взялся?

Свеча стала оплывать и затрещала, старик с неудовольствием что-то сказал и достал из каких-то тряпок, опасливо оглянувшись на меня, непонятный предмет, чем-то похожий на лампу Аладдина. Он поставил его в центр стола и сказал какое-то слово, что-то вроде «абра-кадабра», и предмет засветился не очень ярким, но ровным неоновым светом. У меня от удивления чуть не отпала челюсть, а старик засмеялся и сказал:

– Амбак! – показывая на светильник. – Масунта амбак! – Потом посмотрел на меня и ткнул себя в грудь: – Катун! – Ткнул в мою сторону: – У?

– Виктор!

– Витор? Витор! Витор. Катун – Витор! Амбак!

Следующий час мы посвятили обучению меня языку, и за это время мой словарный запас пополнился несколькими десятками слов – мой проспиртованный и контуженный мозг еще не до конца умер, а при спецподготовке меня научили запоминать на слух много различной информации, не доверяя бумаге. Да и я вообще-то всегда отличался хорошей памятью и способностью быстро изучать языки. До полного понимания еще было очень и очень далеко, но теперь я хотя бы мог высказать простые желания: есть, пить, сходить в сортир.

Старик заметил, что у меня бурчит в животе, достал из-под стола котомку и стал выкладывать на стол еду – куски не очень аппетитного на вид мяса, непонятно какого происхождения. Я не стал задумываться, что это за мясо, и впился зубами в темные жилистые ломтики. Мне приходилось, во время блуждания по «зеленке», есть и менее удобоваримые вещи. Пошагивая, старик достал снизу стеклянную бутылку, литра на полтора, грубо сделанную, явно не фабричного производства, и поставил на стол, потом разлил содержимое в две глиняные залапаные кружки. Я поднес кружку к носу и понюхал – пахло чем-то вроде пива, только запах был кислым и незнакомым. Попробовал – точно пиво. Какое-то жидкое – похоже, разбавленное.

У меня кружилась голова, и я чуть не упал со стула, ослабев от еды и питья. Я никак не мог вспомнить, как я оказался в этом городе и почему здесь нет электричества, автомобилей и асфальта. Старик поддержал меня под руку, предлагая пройти к топчану возле стены, я с трудом поднялся и скоро лежал на боку, глядя на сияющую лампу и суетящегося старика, потом глаза мои закрылись, и я уснул.

Открыв глаза, я долго не мог понять, где я, наконец – вспомнил. Какой-то подвал, старик, странный город. Попытался встать, со второй попытки это получилось. Присев на топчане, я попробовал осмотреть темный подвал. Старика не было, и я встал и пошел к двери, захватив свою палку, заранее припасенную возле меня Катун – больше некому было сунуть ее мне под бок. Свет наверху ударил по моим глазам, уже привыкшим к темноте подвала, я прикрыл их рукой и несколько минут не мог ничего увидеть, потом притерпелся и стал смотреть на мир.

От вчерашнего дождя, загнавшего нас в подвал, не осталось и следа – мокрые стены строений блестели на солнце, булыжные мостовые были заполнены телегами, спешащими куда-то людьми, на небе сияла большая радуга, упирающаяся в землю своим разноцветным коромыслом.

Я автоматически подумал: «Вон там закопан горшок с золотом, – и усмехнулся: – Мечты, мечты... Впрочем, что бы я с ним сделал, с горшком этим? Пропил? А вдруг мне бы хватило, чтобы вылечить свою больную ногу и зажечь другой, не такой растительной жизнью?» Я сплюнул и оставил свои мечты – надо думать о реальном, а не витать в фантазиях. Посмотрев на яркий шар солнца, вдруг вспомнил: последнее, что я видел перед тем, как почуять запах гнили изо рта старика, это сияющий шар. Какой шар, где этот шар? – вспомнить не мог.

Я двинулся дальше, подойдя к краю булыжной мостовой. Дома напоминали картинки из исторических книг, а вдоль пешеходной части тянулись длинные зловонные канавы, из которых дождевая вода с грохотом уходила куда-то вниз, через решетки ограждения – вероятно, там были сливные канализационные тоннели наподобие парижских. По улице двигались люди, непрерывно что-то галдя, – кто-то тащил поклажу, кто-то просто прогуливался. Я перешагнул по мостику через канаву и влился в поток горожан.

Пройдя метров пятьдесят, я чуть не был задавлен огромной каретой, колесо которой задело мне плечо и едва не отшвырнуло в канаву. Я зажал плечо и зашипел от боли, из кареты высунулась изящная женская рука в перстнях и кинула мне под ноги что-то блестящее. Я поднял – это была небольшая монета, похожая по размеру на татарский дирхем, только с портретом

важного мужика и с непонятными надписями на обратной стороне. Такой я никогда не видел, хотя интересовался нумизматикой и считал, что кое-что в ней понимаю. Я спрятал монетку в карман своих затертых смесовых штанов, мало отличающихся от нарядов простых горожан, и пошел дальше, рассматривая дома, улицы, людей. От меня воняло так же, как от них, а моя нечесаная шевелюра и седая клочковатая борода делали меня похожим на большинство прохожих.

Через километр у меня сильно заныла нога, и я присел на камень у какой-то вывески с изображенным на ней бравым рыцарем – или не рыцарем, но, в общем, мужиком, с поднятыми вверх усами, в кольчуге и с мечом. Усы он молодецкато поднимал левой рукой, а в правой держал кружку с пенистым напитком. Как я понял, это было какое-то питейное заведение типа трактира, в чем я скоро убедился – из него выпали трое одетых в железо мужичков, громко горланящих что-то веселое и разудалое типа «Любо, братцы, любо, любо, братцы, жить!..». Один из них заметил меня, что-то сказал своим собутыльникам, пошарил на поясе и бросил мне монету – тоже, как оказалось, серебряную. Я поднял ее, осмотрел и положил ко второй. Выпивоха отсалютовал мне, и мужики, обнявшись, пошли дальше.

Я сидел ошеломленный. Было понятно, что я, скорее всего, не на Земле. Ни монеты, ни мужики в потертых кольчугах, ни улица с ее экипажами и прохожими в сыромятных куртках не давали мне повода в этом усомниться. Можно было бы подумать, что я попал в прошлое, но язык не был мне знаком, а меня в спецшколе заставили выучить и немецкий, и английский. Этот же язык не походил ни на один из романо-германских, совершенно четко. По принципу отбрасывания того, что мне не потребуется в данный момент жизни, я решил для себя: вначале надо выучить язык, а уж потом пойму, где я, как я и что мне делать. Денег, за исключением тех, что мне подали, у меня не было, идти, кроме как к Катуну в подвал, – некуда. Так что оставалось лишь смотреть и впитывать информацию.

Я просидел часа три и, как ни странно, за это время набрал неплохую сумму денег – возможно, мой вид был настолько жалок, что люди волей-неволей кидали мне монетки. Мне даже стало смешно – надо же так опуститься, до попрошайки, – куда уж ниже. Но мой промысел приносил хороший доход и позволял какое-то время выживать в этом мире, а это уже неплохо. Боец должен использовать любую возможность уцепиться за жизнь и выполнить задание любой ценой – я это усвоил четко и давно. Только какая у меня цель? Выжить. А цель появится...

В подвале было темно, как и раньше, старика там не оказалось, и я не стал спускаться вниз, а пристроился на дощечках возле входа в нору, положив доску на чурбачки, найденные тут же. Через полчаса ожидания я услышал шаги и сипение – Катун волок большую сумку. Увидев меня, он махнул рукой – помощи, мол. Я взял сумку за другую ручку, и мы стали осторожно спускаться в темный зев подвала. Старик достал магическую лампу и активировал. Сразу стало уютнее. Катун стал вынимать из сумки куски копченого мяса, лепешки, зелень, торжественно извлек высокую оплетенную бутылку, хлопнул себя по горлу – выпивка, мол.

Я торжественно достал из кармана добытые сегодня монеты и высыпал их на стол. Старик вытаращил глаза удивленно и пересчитал. Что-то спросил – я изобразил, что стою с протянутой рукой. Он не обрадовался, а укоризненно покивал головой из стороны в сторону – типа ай-ай. Потом показал мне пальцем – сейчас, мол, и достал из пояса какую-то брошь с письменами на ней, а потом сделал знак, чтоб я приложил ее к голове. Я приложил, и он стал учить меня новым словам. С изумлением я понял, что слова впитываются мне в мозг просто молниеносно и я тут же понимаю их значение и запоминаю навсегда. Видимо, это было какое-то приспособление для лучшего изучения языка или активизации памяти.

Старик остановил меня, указав на стол с продуктами, мы быстро перекусили, запив все неплохим легким вином из заветной бутылки, и уже всерьез занялись обучением меня языку.

Через три часа занятий, с головной болью и мельтешением в глазах, я понял, что могу вполне сносно понимать старика и объясняться с ним на не очень сложные темы. Итак, он

мне сообщил, что мы сейчас находимся в государстве под названием Ласандия, которое расположено в центре Амасадории – материка, одного из трех, два остальных называются Вантун и Кардизон. Амасадория – самый крупный материк, где находятся несколько государств: в центре Ласандия, управляемая императором Наколем Третьим, на юге Арания – во главе с падишахом Маркабазом, на севере, далеко – Норландия. Между ними идут постоянные споры за территории, и границы их всегда в огне. Огня добавляют также два крупных государства: Айтан, находящееся на острове-материке Вантун, и Карас, отделившаяся от Ласандии колония, а теперь самостоятельное государство на Кардизоне.

Кардизон – практически неисследованный материк. Впрочем, как и Вантун, на который никого из посторонних не допускали очень воинственные местные жители, при своем небольшом росте славящиеся владением боевыми искусствами. Карас отделился от Ласандии в результате кровопролитной войны, в которой участвовали экспедиционные корпуса Ласандии с одной стороны и смешанная армия людей, эльфов и гномов с другой. Карательная экспедиция не имела успеха, так как колонисты и поддержавшие их нечеловеческие расы проявили в борьбе с империей большую силу духа и всевозможные воинские умения.

Теперь установился плохой мир и процветала неплохая торговля с бывшими колониями – корабли империи и других стран сновали по океану туда-сюда, вызывая законную зависть и недовольство обделенных богатством людей, что привело к расцвету пиратства. Пираты обосновались на островах, по дороге к материкам, и ни один корабль не мог быть обделен их вниманием. Чтобы бороться с ними, выделялись флота, отряды, отдельные корабли охотников за наградами, но, как всегда и во всех мирах, все это заканчивалось пшиком. Как пояснил Катун, были даже подозрения, что эти охотники за пиратами сами промышляют пиратством. Впрочем, они так и остались смутными подозрениями, так как живых, кто мог бы их подтвердить, не находилось. В общем, я попал в «веселый» мир – ничуть не менее раздолбайный и беспредельный, чем тот, в котором я родился.

Кстати, я так и не мог вспомнить, как тут оказался, и меня это напрягало.

Старика это никак не напрягало – он видал виды.

Как я понял, он был профессиональным нищим и состоял в гильдии нищих – только ее члены имели право заниматься попрошайничеством на улицах города, и если бы я попался на глаза страже, оказался бы сначала в тюрьме, а потом высеченным плетью за нарушение закона. Кроме того, все места в городе были поделены, и то, что у питейного заведения не оказалось профессионального нищего, была случайность и удача, по принципу «дуракам везет». Еще я узнал, посмеиваясь про себя, что имя мое похоже на ласанское слово «витор» – седой, что как нельзя лучше подходило к моим седым волосам.

– Сегодня, Седой, ты принес хорошие деньги – десять серебряников и шесть медяков. Десять медяков составляют один серебряник, а двадцать серебряников – один золотой.

– А это много или мало?

Старик задумался:

– Ну как тебе сказать – вот я плачу в месяц один золотой гильдии нищих и один золотой Братству. Бывают дни, когда насобираешь несколько серебряников, а бывает – и ничего. Хорошо, если пару медяков кинут. Тебе повезло сегодня, и если ты думаешь, что так бывает каждый день, ошибаешься.

– Скажи, Катун, а откуда у тебя эта лампа, зажигаемая словами, и этот вот амулет, с которым я учился языку? Это что, магия?

Старик удивленно воззрился на меня, как на идиота:

– Конечно, магия! А ты думал чего? Ты что, магии не видал, что ли?

– Не видал... в моем мире такого нет.

– А что у вас есть? Расскажи, а то все равно делать нечего. А я тебе о нашем мире расскажу...

– Хорошо, только скажи мне, Катун, зачем ты меня привел сюда, спас от дождя и холода, кормишь и поишь?

Старик помолчал.

– Сам не знаю. Старый стал, наверное, партнера захотелось. Вижу – лежит, старый, седой, несчастный, как и я. Думаю, веселей будет вдвоем. А потом и интересно стало. Говорить по-нашему не умеешь, о мире ничего не знаешь – откуда взялся? Вот и есть кому вечера скрасить. Тут когда-то подвал был, потом его замуровали со стороны дома, а он все равно остался. Я дырку нашел, ход, теперь и живу тут уже лет пять. Взять у меня нечего, грабить меня глупо, так и существую – доживаю, уже шестидесятый год.

– Шестидесятый? Да ты не такой уж и старик-то... я думал, тебе лет под восемьдесят!

– Ты думаешь, жизнь нищего красит? Поживешь тут, тоже будешь выглядеть на восемьдесят. А тебе сколько лет?

– Хм-м-м... на наши годы – тридцать.

Старик удивленно хмыкнул:

– И ты еще удивляешься, что я выгляжу таким старым? Ты на себя бы посмотрел – жаль, зеркала нет! Седой, хромой, развалина развалиной, кажется, плюнь на тебя, и рассыплешься. Вот почему, видать, тебе и подавали столько денег, из жалости, надо думать. Слушай, а это мысль! Будешь работать из-под меня – у меня же есть патент гильдии, если что – ты мой подмастерье, а я тебя выставил на работу. Должно хорошо получиться. Знаешь мы как сделаем: завтра тебя отведу в баню, мы тебя вымоем, расчешем волосы – они у тебя отросли длинные, – бороду тебе поправим, и станешь такой благообразный старик, все жалеть будут. И шрам на щеке у тебя к месту – бывший воин, вынужденный просить подаяние. Это будет твоя легенда: ты воин, раненный в боях, империя оставила тебя без куска хлеба, и ты вынужден побираться, чтобы не умереть с голоду. А здорово должно получиться ведь!

Я помолчал, потом с грустью сказал:

– Катун, я ведь и есть воин, раненный в бою. И награды у меня есть за мужество. И теперь я буду сидеть и просить милостыню?

– А сидеть и голодать ты не хочешь? Мало ли кто там кем был. Я вот магом, например, был, и что? Мне теперь себя в грудь бить и кричать, что я заслуженный боевой маг? – Старик устало сел на лежанку, положив руки на колени. – Что было – прошло. Теперь я тот, кто есть – Катун, нищий. И ты нищий, Седой.

– Катун, а ты что, магом был? – разбирало любопытство меня.

– Магом, даже боевым. Но как только меня выжгло в результате вспышки магического артефакта, у меня все способности пропали. Ну, кроме там лампу зажечь, и то ненадолго. Фитилек подпалить...

Катун задумался.

– Это во время Ласандо-аранской войны было, когда падишах Маркабаз пожег несколько наших поселений на границе с Аранией. Заявлено было, что Ласандия захватила часть их земель, и эти поселения незаконны, и что они восстанавливают справедливость... ну, в общем, там сам черт не разберет, но нас тогда выдвинули в составе ударной армии в сторону агрессоров. Вначале мы успешно долбали этих южан, наши легионы дали им хорошенько просрать, но потом подключились аранские маги, и вот тогда нам пришлось солоно – и в прямом и в переносном смысле.

Мы застряли в солончаках, увязнув по колено в жидкой соленой грязи, под проливным дождем. Южане более легкие, чем наши тяжелые латники, они забрасывали наши легионы дротиками, отбегая и снова наваливаясь, а мы могли только стоять в грязи и ждать смерти. Но потом стало еще хуже... Появились их маги, которые швыряли магические амулеты, разрывающие солдат в клочья. В их числе были и амулеты против магов – один такой артефакт рванул так, что трое магов, и я с ними вместе, полегли без сознания, полностью выжженные. До этого

мы могли хотя бы отгонять копьеметателей огнем и швырять булыжниками, отправляемыми магической силой, а когда почти все маги полегли, став трупами или полутрупами... в общем, осталось – один из десяти бойцов, пришедших на границу, – был полный разгром. Выживших, и меня в том числе, превратили в рабов. Я десять лет работал на хозяина, рыбопромышленника, пока не выкупился на волю. Тут уже я никому не был нужен... Да и тогда, если бы вернулся выжженным, кому я был бы нужен, пустой как барабан?!

Старик замолчал и грустно добавил:

– Сейчас я думаю: а не лучше ли было остаться рабом? Питание всегда было, хозяин не обижал, крыша над головой была – что меня побудило выкупиться и уехать? Ведь предлагал он: оставайся, будешь работать на меня, свободным, за нормальные деньги, а не рабские гроши. Свободы хотел, умереть на родине, в своей земле. Да что теперь говорить – что ушло, то ушло.

– Катун, скажи, а как становятся магами? Ну вот я, к примеру, захотел стать магом, я смогу им стать? – Я затаил дыхание. А вдруг?..

– Это нужны способности. Магов с детства уже определяют – их не так много, магов-то, специальные люди из гильдии магов обходят и объезжают селения и осматривают детей – если есть способности к магии, они извещают родителей, что по достижении четырнадцатилетнего возраста ребенок должен отправиться учиться на мага.

Мои родители были простыми ремесленниками, отец сапоги шил, мать обшивала соседей. Меня забрали, когда мне было пятнадцать лет, и тут же усадили за парту – курс магии составляет пять лет. За это время учат заклинаниям, пользоваться подсобными материалами, необходимыми для волшбы. У всех все по-разному получается – никто не знает почему. Одни лучше совершают боевые заклинания, бьют огненными шарами, молниями, проваливают землю под противником, пускают ледяные стрелы и так далее. Другие умеют общаться с мертвыми, вызывать демонов – но этих не любят, и такая магия под запретом. Третьи лучше всего обходятся со стихийными вещами: им легко управлять ветрами, водой, землей, они чувствуют, где лежат какие-то полезные минералы. Четвертые хорошо лечат и работают с животными. Всех в первый год распределяют по отделениям и учат – общие предметы вместе, а остальное, как распределили. Я был боевым магом.

– Нет, ты так и не сказал, как они определяют способности? Вот ты можешь, глянув на меня, сказать, есть у меня способности или нет?

– Нет, я не могу. Я же тебе сказал – у меня все выгорело. Раньше – мог. Это надо довольно высокий уровень магии иметь, чтобы увидеть. Не все из тех, кто закончили академию, могут увидеть способности к магии у человека. Надо как-то чувствовать это. Для меня это выглядело как какое-то розовое свечение, как аура какая-то, вернее, оттенок ауры. А ты, говоришь, воин был? Ты хорошо владеешь оружием? Почему у тебя такие раны на теле?

– Наше оружие страшнее здешнего, и оно убивает на расстоянии. Впрочем, убивать голыми руками и любыми предметами нас тоже учили. Вот только мечом я махать не умею. Как и стрелять из лука. Наш мир давно ушел вперед от вашего. Наше оружие может одним ударом разрушать города.

Старик усмехнулся в темноте, прокашлялся и иронично сказал:

– Однако воины все равно нужны, и отношение к раненым у вас ничуть не лучше, чем у наших власть имущих. Если ты не представляешь ценности для армии – пошел вон. Ну, хватит бесед, давай спать – завтра пойдем работать.

Я долго не мог уснуть – все размышлял о превратностях судьбы и о том, как мне выжить в незнакомом мире. Сейчас я был ниже низшего – не мог даже попрошайничать сам, а был вынужден прибегнуть к услугам старика... отвратительное ощущение. У меня даже защипало в глазах – ну, дожил! Как ты, Витька, докатился до такого? Ты, боевой офицер! Сука я, а не боевой офицер! Во мне вспыхнула ярость, хотелось бить, крушить, ломать! Сквозь плену ярости я услышал, как на столе что-то брякнуло, как будто разбилось, – видимо, крысы лезят,

суки, – пришла мысль. Я успокоился и стал настраивать себя на сон... Через полчаса я все-таки стал засыпать, и сквозь дрему ко мне пришла мысль: надо завязывать с пьянкой – уж в этом мире я должен чего-то добиться... хотя бы места нищего. Я хихикнул и провалился в забытие.

Утром мы с Катунем быстро позавтракали остатками вчерашнего ужина – он долго смотрел на разбитую чашку на столе, выругался и сказал, что эти крысы уже достали, хорошо еще не унесли наш завтрак, – потом быстренько оделись и пошли в общественные бани. Мытье там стоило недешево – целый серебряник, зато давали по кусочку мыла и позволяли отстирать свои портки – надо сказать, я сильно зарос грязью за это время, и от меня ощутимо пованивало. Горячая вода в банях, как я узнал, нагревалась в больших котлах, под которыми всегда горел огонь. Катун охотно рассказывал мне все, о чем я спрашивал, единственно – следя за тем, чтобы никто не слышал. Странно ведь, когда один старик рассказывает другому старику простые вещи, которые знает каждый дворовый мальчишка.

Когда мы разделись в бане, Катун с удивлением сказал:

– Теперь видно, что ты был воином.

– Хотя я и сильно исхудал и мышцы мои уже не те, что раньше, но и сейчас я могу спокойно зашибить вон того здоровенного банщика, что мнет жирного купца, надеющегося согнать свой жир массажем.

– Нас, магов, особенно не изнурили физическими упражнениями, для воинов свои школы. А что у тебя с ногой? Колено разбито?

– Да, собрали из кусочков, но так и не заработало как следует, вот и выгнали из армии.

Я с наслаждением мылся, смывая с себя пот и грязь, намылил и прополоскал в деревянной шайке свою одежду – до стерильности ей было далеко, но теперь хоть не будет вонять блевотиной и погребом. Катун исчез куда-то, потом появился с усатым важным человечком, ростом чуть мне до груди, но зато со стоячими, как рога, усами. Он, видимо, ими очень гордился и постоянно их поправлял.

– Вот его стричь? Хм... волосы оставляем длинные? Бороду? Странно: если смотреть на голову – старик, а тело молодое, только весь в шрамах... так как будем стричь? – Цирюльник нетерпеливо постукивал ногой, выхаживая вокруг меня и останавливаясь, чтобы прикинуть какие-то свои заметки.

– Подровняйте, чтобы он выглядел воином на пенсии, вынужденным просить подавание, чтобы благообразно, но вызывало жалость.

– Сделаем сейчас, – хмыкнул цирюльник. – Стоить будет серебряник! Деньги есть?

Серебряник перекочевал в руку человечка и оттуда испарился в неизвестном направлении – я даже не успел заметить куда. Цирюльник взял появившиеся ниоткуда расческу и ножницы, совершенно угрожающего вида, и стал оперировать ими в опасной близости от моих ушей.

– Уважаемый, если вы мне отстрижете ухо, я себе пришью ваше! – усмехнулся я, поглядывая на громадные лезвия ножниц у своего уха.

– Не бойтесь, я знаю свое дело и еще ни одного уха не отрезал... ну почти ни одного! – Цирюльник засмеялся и, еще несколько раз щелкнув ножницами, сказал: – Ну вот, все сделано! Можете посмотреть в зеркало. Когда волосы высохнут, вы будете иметь приличный вид.

Цирюльник убежал, а мы с Катунем стали одеваться. Одежда оставалась еще влажной, можно сказать, мокрой, но на улице было тепло, и имелаась надежда, что простудиться не получится.

– Катун, не в обиду, чего у тебя так воняет изо рта? – спросил я, решив уж до конца все выяснить.

Он не обиделся, помолчал и ответил:

– Когда в лагере для военнопленных был, кормили очень плохо, да еще часть зубов выбили охранники, узнав, что я маг. Мы им здорово нагадили во время кампании. С тех пор

зубы гниют, мучаюсь страшно. А чтобы их вылечить, надо много денег – меньше чем за двадцать золотых никто из лекарей и разговаривать про лечение не будет, а уж чтобы вырастить новые – это уже не меньше пяти тысяч. Откуда у нищего такие деньги?

Мы молча собрались – я уже пожалел, что задал этот вопрос. Катун молчал, я тоже. Потом он обернулся ко мне и сказал:

– Да я не обижаюсь, знаю сам про это дело... только что могу изменить? Вот заработаем с тобой денег и вылечимся: я зубы, ты ногу, – улыбнулся он грустной улыбкой, видно было, что сам он в эти сказки не верит.

Мы вышли на улицу, я ковылял сзади, опираясь на палку, Катун вел меня куда-то вниз по улице, к морю, даже отсюда чувствовался его запах... Впрочем, как и запах жарящихся на решетке осьминогов. Мы купили за три медяка два осьминога, и я вгрызся в горячее, пахнущее дымом резинистое мясо – только сейчас понял, как проголодался. Потом выпили по кружке шипучего кваса, и жизнь стала казаться не такой уж и гадкой – я чистый, сытый, спать есть где... Нога болит? Так давно болит. Все лучше, чем у ларька со шпаной махаться.

– Пошли, сюда зайдем! – Катун потянул меня в какую-то лавку, где горами был навален всяческий секонд-хенд. Он начал рыться в груде одежды и выбрал кожаную куртку, крепкие суконные штаны, по размерам подходящие мне. Куртка была с подозрительной дыркой на спине, как будто прорезана ножом и заштопана, а на штанах имелись застиранные пятна. Но все было чисто оттерто, отмыто и пахло дымом – типа прожарка, не иначе, подумал я, с трупов сняли, собаки. Но мне, по большому счету, было наплевать – что я, трупов не видал? Еще как видал... и сам их производил. Поэтому я спокойно надел тут же в лавке эту подозрительную одежду и приготовился следовать дальше за своим наставником, когда тот, пошарив в углу, выволок на свет ржавый шлем, похожий на скифский, – я видел такой по телевизору.

– Сколько за все?

– Три серебряника!

– Да у тебя пузо лопнет от таких денег! – Катун даже рассердился, замахав руками на лавочника. – Три медяка, больше твои дерьмовые шмотки не стоят! Совсем охренел, Калаз!

– Сам охренел! – Толстый лавочник аж затрясся от возмущения. – Меньше полутора серебряников не отдам! В горшке этом одного железа чуть не пуд!

– Да его ржа давно съела, горшок твой! Ты в него гадишь небось! А одежда твоя с трупов – может, она вообще заразная!

– Вот ты сволочь, Катун! Знаешь же, что у меня заразы нет, все прожарено. Хрен с тобой – серебряник! И все!!! Не нравится – клади на место и уходи!

– Ладно, вижу, в тебя демоны вселились. Бери свой серебряник на лечение и иди к магу изгонять демона жадности! – Катун удовлетворенно хмыкнул и достал из пояса отдельно завернутый серебряник. – Последнее у бедного нищего забираешь!

– Ну уж последнее, – хмыкнул лавочник, – небось в поясе полсотни золотых лежат.

– Лежали бы, стал бы я на тебя так дышать. – Катун подошел к лавочнику и дыхнул ему прямо в лицо.

Я с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться, – физиономия лавочника покраснела, он замахал руками:

– Вот в кого демон-то вселился и гадит там! Тьфу, вонючка поганая! Иди отсюда, рыба тухлая!

– Шас будешь орать, я еще дыхну, и не только – ты тут вообще упадешь насмерть! – Катун хохотнул и вышел наружу. Я поковылял за ним.

– Ну вот, серебряник сэкономили, – довольным голосом заявил старик, – барахло это уж никак не меньше двух серебряников стоит, будь уверен!

– А зачем оно мне вообще, и этот горшок дурацкий – я же не собираюсь вступать в армию императора. Даже если бы и хотел – не смог...

– Ничего не понимаешь – это одежда солдатская: куртка из-под кольчуги, штаны казенные, сейчас мы тебе воинский хвост из волос сделаем, посадим на камешек у трактира, где обитают солдаты, а впереди поставим этот горшок, чтобы подаяния кидали, – вот тебе и будет прибыль! Солдаты-то разжалобятся и накидают тебе полный шлем... ну, пусть не полный, но нормально подкинут. Палку свою рядом положи и сделай мужественное, но жалкое лицо. – Катун рассмеялся. – Ну не такое же! Такое только у больных дурными болезнями бывает! Ладно, просто сиди и грусти – типа вспоминаешь былые дни.

– М-да. Что-то мне комедиантом быть не приходилось. – Я снова загрустил и спросил Катуну: – А сколько мне сидеть с этим горшком?

– А как хватит! Теперь ты у меня в подмастерьях, давай отрабатывай науку, – усмехнулся он, потом успокоил: – Да не переживай. Скоро привыкнешь. Я тоже по первости все лицо норовил закрыть – стыдно вроде, но я-то местный, а тебя никто не знает, чего тебе стыдиться?

– И правда, чего? – грустно протянул я. – Если бы не нога, я бы лучше в солдаты пошел.

– И что хорошего? Ну выпустят тебе кишки в первом же бою – и лечить никто не будет. Настоящий лекарь-маг стоит больших денег, он только для офицеров, а тебе вольют в живот смесь меда с отваром пижмы, и лежи подыхай себе. Тут посидел, набрал деньжонок, а потом можно и в трактир зайти. Выпить-то любишь? – Он с прищуром посмотрел на меня.

– Любил. Теперь разлюбил, – с вызовом ответил я. – Все, кроме легкого вина – ничего!

– Ну-ну, посмотрим, – неопределенно сказал старик, – дай-то бог.

Катун привел меня к какому-то питейному заведению с бравыми солдатами на вывеске – они маршировали, выставив вперед копыта так, будто у них у всех была патологическая, непроходящая эрекция.

Как сказал Катун, заведение именовалось «Под флагом». Я долго думал, почему именно так, потом различил в углу засиженную птицами фигуру павшего солдата, прикрытого флагом империи, – мимо него и маршировали его эрегированные соратники, с таким видом, что казалось, будто они его ухайдакали. Возможно, это был парад в его честь.

Я уселся на чурбачок напротив дверей заведения и выставил перед собой старый шлем. Катун бросил в него пару медяков и серебряник, вроде как для затравки, и мы стали ждать поклевки «жирных рыб».

Наш рабочий день закончился полным успехом – сердобольные солдаты и угрюмые наемники накидали мне меди и серебра на два золотых – Катун был просто в восторге и возбужденно говорил, что, если дела пойдут и дальше так хорошо, мы сможем себе снять хорошую квартирку где-нибудь в портовом районе, а не ютиться с крысами. Я с ним соглашался, но в душе у меня было страшное опустошение: лучше бы я грабил или воровал, но попрошайничать?! Увы, попрошайничество считалось почтенным занятием, официально признанным государством, вроде социальной программы. Насколько я понял, оно переложило бремя заботы о ветеранах, престарелых и малоимущих на плечи населения – впрочем, как и везде. Грабителей же и воров ждали каторжные работы или смерть.

Наши успешные вояжи продолжались уже месяц, мы заматерели: отъелись, прикопали в подвальчике с десятков золотых купили матрасы и подушки, – в общем, зажили как короли. Все это время мы рассказывали друг другу о наших мирах – Катун жадно впитывал услышанное и только приговаривал: «Ах, как хорошо, что я тебя нашел! Как интересно, давай, давай рассказывай!» Я же просил его учить меня магии. Он вначале отнекивался – мол, зачем мне вся эта ерунда, если я не родился магом? – но потом стал потихоньку рассказывать, передавать знания, полученные в академии. Что он мог передать за это короткое время? Ничтожную часть своих знаний, даже меньше того, что заучивают первокурсники, несмотря на то что мы с ним применяли амулет запоминания. Он, конечно, помогал, но не настолько, чтобы волшебным образом я стал магом. Но так как делать все равно было нечего, наши занятия по информаци-

онному обмену продолжались: я ему передавал знания о Земле, какие-то отрывочные знания о науке, культуре, цивилизации, а он учил меня тому, что сам знал и умел.

Каждый седьмой день мы ходили в баню, где нам делали массаж и втирали в тело лечебные и ароматические мази – теперь мы могли это себе позволить. Со временем моя нога стала просто ныть, а не болеть, будто ее рвали щипцами, и я уже не скрипел зубами во сне, как сказал мне Катун. Но, как всегда бывает – и с хорошим, и с плохим, – все когда-нибудь кончается.

Прошел месяц. Как-то мы тащились к своему подвалу, когда навстречу нам попались двое парней. Я сразу определил их род деятельности. Как говорила моя знакомая, жившая некоторое время в Заводском районе, парней из Заводского района можно узнать сразу: кожаные куртки, треники с кроссовками, волчий взгляд исподлобья и шапки-пидорки. Треников тут не было, кроссовок тоже, а все остальное присутствовало.

Катун как-то сразу напрягся и шепнул мне:

– Не встречай, я разберусь.

– Приветствую вас, ребята. – Катун принял униженную позу несчастного старика. – Я приготовил взнос в Братство, так что Хозяин может быть спокоен, все как полагается.

– А Хозяин всегда спокоен, – сплюнул тот, что был поменьше, в дурацкой шапочке, сдвинутой на затылок, и с шербиной вместо переднего зуба, – это тебе надо беспокоиться!

– А что мне беспокоиться? Я порядок знаю – вот золотой за месяц, как и говорили. Как я плачу уже пять лет. А в чем дело? – Катун с наигранным удивлением посмотрел на двух рэкетиров и пожал плечами: – Я разве задерживал хоть раз плату?

– Не задерживал. Но плата увеличилась до пяти золотых, – вмешался второй, здоровенный парень, до этого момента со скукой разглядывавший прохожих, облака и пробежавших мимо женщин. – Вы бабла гребете немерено со своим напарником, бог велел делиться. Это не наше решение, это решение Хозяина. Твой золотой мы забираем в счет уплаты, остальное чтобы было через три дня. Мы знаем, где ты живешь, придем к тебе и выпотрошим, и тебя, и твоего дохляка – солдат-ветеран хренов!

Тот, что поменьше, вырвал у Катуну его золотой, потом пошарил у него за пазухой и забрал еще несколько монет:

– Это нам за беспокойство!

Они заржали и ушли, оставив нас с Катуну стоять нищими – какими мы, в общем-то, и были.

Глава 2

Этим вечером в подвале царило уныние – не то чтобы мы с Катунем не могли заплатить, но обидно было отдавать свои кровные деньги бандитам, ни за что ни про что.

– Катун, ты ведь знаешь, что я мог их убить прямо там, не сходя с места?

Старик помолчал.

– Знаю. Этого я и боялся. Если ты их убьешь, нам тут не работать. Ты это понимаешь? Братство объявит награду за наши головы, и в любом случае в конце концов нас убьют. Я знаю случай, когда один торговец убил в споре сборщика налогов от Братства, так его разрезали на части, а дом сожгли. Хорошо, хоть дали его семье перед этим покинуть жилище.

– А кто стоит во главе Братства? Это известно? Кого называют Хозяином?

– Никто не знает. Хозяин может меняться, но его никто не видит. Это тайна.

– Ничего себе... А если кто-то со стороны займет его место?.. И все будут выполнять его указания? Я хочу понять сам механизм этой организации, как все происходит, какие шестеренки двигают эту машину.

– А тебе зачем? Ну что толку, что ты узнаешь, что какой-нибудь зеленщик – глава преступной организации?

– Ну как ты не поймешь! Если узнать структуру организации и то, как Хозяин отдает приказы подчиненным, можно занять место Хозяина! Кто узнает, что он – это я или, например, ты?

Старик испуганно сел на край топчана.

– И не думай даже! Ты считаешь, там дураки и не предусмотрели этого? Не сомневайся, все продумано до мелочей. Эта система работает уже сотни лет. И нос совать не смей – загубишь нас, и все тут. Лучше вон учи заклинания, вдруг когда и правда пригодятся. Давай повторь за мной...

Мы отдали требуемые деньги и снова погрузились в свою так называемую работу. Впрочем, она пошла уже похуже – то ли я примелькался, то ли денег у людей стало меньше, но подавать стали меньше, и иногда я в своей знаменитой каске обнаруживал не больше трех-четырех серебряников.

Подходил день следующей оплаты, но у нас уже не было нужной суммы – Катун тяжело заболел, простудившись, и мы не выходили на работу около недели. Он хрипел, лежа на топчане, а я пытался влить в него отвар пижмы, помогающий от простуды. Больной старался проглотить отвратительную горькую жидкость, но она выходила наружу. Он часто был в забытии, а когда приходил в себя, пытался что-то сказать, тянулся ко мне исхудавшими руками, хватал за шею и что-то втолковывал, но я ничего не понимал из его горячего бреда.

Я выкопал все сбережения, что у нас оставались, и привел к нему лекаря. На дорогого у нас не было денег, так что пришлось позвать того, что подешевле. Лекарь забрал последние гроши, сказал, что старик не жилец, и с чувством выполненного долга покинул нашу темную нору. Мне хотелось рыдать – этот старик с вонючим ртом и худыми узловатыми руками был единственным моим другом во всем этом страшном чужом мире. Если он умрет – как мне жить? Как на Земле? Заливая горе и боль спиртным?

Наконец у нас не осталось ни одной монетки и ни крошки хлеба, и я вынужден был пойти на работу.

Привычно усевшись у трактира, я несколько часов собирал гроши, исправно капающие в мой железный «горшок». Наконец, радуясь, что сейчас куплю поесть и попить, а также травок для больного Катун, я поковылял на рынок, где приобрел хорошего копченого мяса, молока, ингредиентов для приготовления лечебного отвара и несколько полотенец, чтобы обтирать горящего в лихорадке товарища.

Набрав полные сумки и переваливаясь как утка, я побрел к нашему подвалу. Уже на подходе к нему я почувствовал что-то неладное и, спрятав сумки за кучей строительного мусора, подошел к входу и услышал чьи-то голоса:

– Ну и че теперь? Ты че, дурак совсем? Теперь с кого бабло снимать? Ну и на кой хрен ты его бил-то, он и так доходной был!

– Да че, я знал что ли, што он такой хлипкай! Я двинул раз, он и затих. Че теперь Якорю говорить будем?

– Че-че? Как есть, так и обскажем. Будешь жопой своей отвечать. Не фига руки распускать раньше времени!

У меня захолонуло сердце – пришла беда. В лице двух дебилов сборщиков дани. Я медленно спустился в подвал, ожидая худшего, и не ошибся – Катун лежал на постели, посиневшим лицом вверх, а из уголка его рта скатывалась тонкая струйка крови, похожая, в неверном свете свечи, на черную змейку, выскользнувшую из его больного тела.

– О! Вот и Седой! А ты говорил, он свалил куда-то! Он нам и заплатит за своего напарничка. Вишь, Седой, нам пришлось потрудиться – он никак не хотел отвечать нам на вопросы, где деньги, например. Оглобля и перестарался: стукнул доходягу разок, тот и помер. Смари, как бы и тебя стукнуть не пришлось. Гляди вон, что бывает с теми, кто не платит бабла Хозяину!

У меня застыли слова в груди, я смотрел, смотрел на лежащего несчастного старика и думал: ну почему нет счастья хорошим, порядочным людям? Почему живут вот такие ублюдки, как этот глумливый шакал, твякающий передо мной? Зачем ему вообще жить?

Я сделал шаг вперед к двум выродкам, держа в обеих руках свой батожок с крестообразной ручкой, резко рванул рукоятку назад, фиксируя левой рукой низ палки, и в правой у меня оказался длинный, заточенный с двух сторон, узкий стилет. Без предупреждения, реверансов или объяснений я воткнул лезвие одному уроду в глаз так, что острие вышло из затылка. Второй попытался увернуться, но мой стилет пробил ему живот и со скрежетом уперся в позвоночник. Затем я рванул лезвие вверх и выпустил ему кишки. Громила упал на бок, пытаясь вправить в распоротый живот блестящие ленты кишок и заливая пол темной кровью. Я вытер об него клинок, вставил на место в палку и спросил:

– Где мне найти Якоря?

Бандит лишь мычал и вращал глазами:

– Ыы-ы-ы... лекаря... ыы-ы-ы...

– Скажи мне, где Якорь, и я позову лекаря!

Он не понимал, что никакой лекарь его уже не спасет.

– В трактире... «Парусник»... Он всегда там вечером! Позови лекаря!

– Сейчас позову, – сказал я и воткнул ему в сердце стилет. – Вот тебе и твой лекарь – смерть.

Я похоронил Катуну под высоким развесистым деревом, выкопав могилу тесаком, найденным у бандитов. Копать было трудно – мешали переплетения корней, попадающиеся камни и куски черепицы, упавшие со старых домов. Но я не мог бросить старика в подвале на съедение крысам. Я надеялся, что, когда сам сдохну, тоже найдется кто-то, кто закроет мне глаза и уложит спать в могилу.

– Ну вот ты и свободен, Катун, и лежишь в родной земле. Не нажил ты ни богатства, ни семьи, ни детей, но знай, что кто-то будет тебя помнить всегда, пока жив. Прощай, старина, так мы и не вылечили свои зубы...

Я смахнул слезы с невидящих глаз и побрел в свой... или теперь уже чужой подвал. В нем пахло смертью. Я обшарил трупы бандитов, пачкая руки в крови, нашел у них десятка два золотых (видимо, дань с других людей), нож довольно хорошего качества, острый как бритва – свой затупившийся тесак я бросил на могиле Катуну.

Я осмотрел находку, попробовал лезвие на руке – мне не понравилась его острота, и я стал водить им по куску кирпича, пока острое не приобрело нужное качество. Затем я нашел кусок зеркальца и, схватив рукой за хвостик сзади, решительно махнул ножом и отхватил его под корень, после чего стал кромсать волосы, пока от них не остались какие-то жалкие кусты на черепе. Наверное, со стороны это выглядело ужасно, но мне надо было замаскироваться как можно эффективнее, а мои седые лохмы знали все. Покончив с прической, я перешел к бороде и уничтожил ее вместе с усами – соскребая с кровью, покрываясь царапинами. Нечаянно задел старый шрам, выругался – по щеке потекла кровь.

Я глянул в зеркало и увидел в нем довольно молодого человека с жестким скуластым лицом и синими глазами. Я уже забыл, когда я смотрел на себя в зеркало. Последний раз, наверное, когда меня стриг и брил цирюльник. И я давно, с армии, не видел себя безбородым. В целом я выглядел вполне прилично, если забыть про шрам на щеке и порезы. Вряд ли в этом тридцатилетнем парне узнают старика Седого. А это мне и требовалось.

Пошарив по комнате, достал магический амулет для улучшения памяти, спрятанный под крышкой стола, из кучи тряпья вынул магическую лампадку – поставил ее на стол, долго смотрел молча, прощаясь с еще одним периодом своей непростой жизни и со своим другом, затем произнес слова, которые часто слышал от Катуня, магическая лампадка мигнула и вдруг загорелась ровным неоновым светом. Почему-то я не удивился. Я как будто знал, что так и должно быть, но и радости не было – мне не хватало ворчания старика, разговоров с ним. А мне так хотелось поделиться радостью с ним...

Больше меня здесь ничего не держало – я погасил лампу тем же словом, положил в котомку и вылез из подвала. Деньги на первое время у меня были, а потом видно будет, что делать. Подхватив свои сумки с продуктами, я медленно побрел в сторону моря. Шел долго, не меньше двух часов, в конце концов вымотался как собака, нашел в леске у берега ложбинку, засыпанную старой хвоей, и улегся на сухую подстилку. Ветер мне не задувал, было тепло и вполне терпимо. Я накрыл голову воротником куртки и забылся недолгим тревожным сном.

Спать долго не пришлось – скоро возшло светило и стало ощутимо пригревать мою бритую макушку. Я потянулся, хотел сказать что-то Катуну... и вспомнил, что его больше нет. Нахлынула волна депрессии и ужасно захотелось выпить – впервые за все время, проведенное в этом мире. Я встряхнулся, сел и, снимая с себя дурман усталости и недосыпа, потер лицо руками, случайно содрав при этом застывшую корочку пореза от бритья. Взвыл, выругал себя за тупость и решительно стал сбрасывать одежду – разделся донага и пошел к морю. Морская вода сразу зацепала в свежих ранах, но я мылся, смывая с себя пот, и грязь, и весь негатив последних дней... а может, и лет.

Я с упоением приговаривал, как меня когда-то учила бабушка: «С меня вода, с меня худоба, с меня вода, с меня худоба», чтобы с текучей водой ушла вся чернота из моей жизни. Усмехнулся про себя: если бы так просто можно было бы смыть все горести из жизни.

Я поковылял по рыхлому песку к своей одежде, когда услышал звонкий смех и увидел беззастенчиво рассматривающую меня девушку лет семнадцати-восемнадцати, сидящую на лошади, она показывала на меня хлыстом какому-то молодому вельможе и говорила:

– Смотрите, Эдурад, этот нищий довольно мужественно выглядит, не то что вы... и кое-что у него завидное. – Она залилась смехом, глядя на то, как пыжится и злится ее спутник.

Тот побагровел, как помидор, и прошипел:

– Сейчас я накажу этого бесстыдника – совсем обнаглели эти простолюдины! Благородным людям уже скоро и погулять негде будет, без того чтобы не наткнуться на какого-нибудь хама!

Хлыщ прищпорил коня и понесся на меня, подняв над головой плетень. Мне никак не улыбалось получить по голому телу кожаной витой змеей, но убежать я тоже не мог и потому встретил всадника, стоя к нему и его красоте лицом. Эдурад замахнулся, ударил – я перехва-

тил плетку в воздухе, обмотав ее вокруг кисти руки, и рванул вниз, продолжая ее движение. Аристократ на скаку вылетел из седла, ударился о песок так, что из его легких с хаканьем вышел воздух, и попытался подняться, вытаращившись на меня. Я сверху вниз ударил его в челюсть – что-то хрустнуло, то ли вылетел зуб, то ли сама челюсть не выдержала такого обращения и сломалась, в любом случае – он затих на песке.

Снова повернувшись к девушке, у которой смех замер на губах, я рявкнул:

– А ну пошла вон!

Девушка страшно напугалась и пустила коня галопом, уносясь как от демона. Не знаю уж, что она увидела у меня в лице, но ей это явно не пришлось по душе. Я быстро поковылял к одежде, натянул на себя и скрылся в лесу, стараясь уйти от этого места как можно подальше. Успокоился я только уже в городе, затерявшись в толпе спешащих и бегущих по своим делам людей.

Увидев вывеску цирюльника, я остановился и решил зайти. Надо было превратить мою жуткую прическу во что-то более пристойное, иначе ни один домовладелец не сдаст мне комнату и ни один работодатель не возьмет на службу.

Через полчаса миру предстал молодой человек с почти лысой головой, очень белесый, с гладкой кожей лица, местами слегка поцарапанного, видимо, при спешном бритье. Теперь нужно было поискать квартиру.

Я пошел в сторону порта – там находились кварталы, где жил ремесленный люд. Если и можно было найти недорогое жилье, то только в этом месте.

Как ни странно, комнату удалось снять довольно легко – первая же встреченная женщина посоветовала мне обратиться к матушке Марасе, которую я нашел в белом домике, в ста метрах от церкви. Это была женщина лет шестидесяти или постарше, с умным морщинистым лицом, на котором сияли голубые глаза, более приличествующие молодой девушке, – из них исходит настолько яркий свет, что казалось, будто женщина постоянно радуется жизни и воспринимает ее так, как и надо – живому все хорошо.

– Приветствую вас! Вы матушка Мараса?

– Я вроде как, – улыбнулась она и внимательно осмотрела меня с ног до головы. – А ты кто, парень? Насчет комнаты, наверное, – догадалась она. – А тебя как звать?

– Да, точно. Ищу комнатку недорогую. Не поможете? Меня звать... Викор, – ответил я, на сей раз уже сознательно изменив свое имя, чтобы не возникло ассоциаций со словом «седой».

– Ну чего же не помочь, – усмехнулась она, – сдаю я комнатку. И недорого. Правда, что ты понимаешь под «недорого»? Знаешь что, давай вначале посмотрим жилье, а потом будем разговаривать. А то как-то глупо получается. Пошли, пошли... – Она мягко взяла меня за плечо и подтолкнула к калитке, открытой в оплетенном виноградом заборе. Потом с жалостью посмотрела на мою волочащуюся прямую ногу и трость, на которую я опирался, и покачала головой: – И-эх-хх... все вы, молодые, попадаете в мясорубки... Вот и мой – ушел служить на границу с Аранией и не вернулся. Говорила ему: не ходи, не ходи! А он: мир погляжу, вырвусь из этого болота, стану важным человеком, офицером, куплю тебе новый дом – разбогатею на трофеях! Вот и разбогател... И не знаю теперь, где его косточки лежат. Я бы рада сейчас его хоть инвалидом, хоть безногим увидеть – а нету теперь моего сына. Это его ведь комнатка. Отца у нас давно нет – в море пропал, сгинул, так и жили вдвоем, пока сын не завербовался в армию... Да ну что я на тебя все это вываливаю... тебе и так несладко, вижу. Просто, глядя на тебя, вспомнила сына и расстроилась – не обращай внимания на старуху.

– Ну не такая уж вы и старуха, – усмехнулся я, – а в молодости, похоже, красotka были.

– А как догадался? – Она усмехнулась и с интересом посмотрела на меня: – Да-а-а... парни сохли по мне. Потом мой Айван меня сосватал – классный парень был, капитаном должен был стать, старшим помощником ходил в море. Статный такой, высокий, красивый! Только полгода с ним прожили... так и сгинул на дне морском. Вот теперь одна я... Решила комнатку

сдать – вроде и не скучно одной будет, и деньги тоже нужны. Ну что я могу заработать на лечебных травках – не стану же я с соседней брать помногу за лечение, они сами не богатеи, а богатые клиенты сюда не ходят.

– Так вы лекарка? И магией умеете? – заинтересовался я.

– Ну так... не больно-то магией. Могу травку прорастить хорошо, чтобы выросла в огороде, отвар травяной приготовить – ну вот и все, в общем-то. Рук-ног отрастить не могу, если ты об этом, – понимающе взглянула она на меня.

Я кивнул и прошел за ней в коридорчик, завешанный пучками трав и мешочками – похоже, с истолченной травой.

– Как пахнет хорошо! – Я повел ноздрями и втянул воздух. – Люблю запах травы!

– Я тоже, – усмехнулась Мараса, – может, потому и стала лекаркой.

– А вы где учились? Почему вас маги не взяли в академию?

– Да слабый у меня дар... может, не заметили, пропустили, а потом уже поздно было. Сейчас бы все по-другому сложилось. Пошли за мной.

Я стал подниматься по лесенке на второй этаж, помогая себе руками, перебирая ими по деревянным перилам, она виновато оглянулась:

– Комнатка на втором этаже, в мансарде, ты сможешь туда подниматься?

– Матушка, я еще не совсем доходяга, – усмехнулся я, – хоть и инвалид. Главное, что стоять это будет? У меня на первое время есть деньжонки, но надо подумать, как жить дальше. Я работу ищу.

– Ну сейчас посмотришь комнатку, и мы с тобой поговорим дальше.

Комната мне понравилась: довольно большая, со светлым окном, оплетенным по ставням виноградом. Оно выходило в палисадник, засаженный георгинами, астрами и какими-то еще цветами, издающими сладкий запах, будивший во мне воспоминания о покойной бабушке и ее домике в деревне, где я отдыхал летом.

– Ну вот такая комната! Особых изысков нет, но есть кровать, шкаф, стол, стулья. Кровать большая – вдруг ты надумаешь девушку привести. Ладно, ладно, не стесняйся – дело-то молодое. Ты мужчина в расцвете сил, несмотря на то что инвалид. Многие бы из девушек загляделись на тебя.

– Я как-то об этом не задумывался, матушка Мараса... все проблемы и проблемы, а девушкам нужен здоровый, богатый мужчина – кому нужен бедный инвалид? – Я с горечью опустил глаза, рассмотрел свои ногти, требовавшие стрижки, и спросил: – Ну так сколько вы за комнату хотите?

Она помолчала, подумала.

– Десять серебряников. – И тотчас спохватилась: – Ты не думай, это недорого! В гостинице берут серебряник за ночь, а то и пять! А если еще добавишь пять серебряников, я буду тебя обедом кормить. В огороде душ есть, сынок делал, сейчас тепло, лето, можно до поздней осени купаться, у нас вода из колодца – туда только надо натаскать воды, и под лучами она согреется. А зимой купаемся или в банях, или в корыте, а воду нагреваем на печке. Ну что, как ты?

– Хорошо. Если за пятнадцать серебряников еще и подкармливать будете, я согласен. Только я много лопаю! – усмехнулся я и положил свои котомки на пол, потом достал из пояса золотой и отдал его матушке Марасе: – Возьмите вот в счет оплаты за месяц. А на сдачу купите мне мыла, бритву, расческу – хотя и расчесывать пока нечего, – провел я ладонью по голове, – ну все равно. Зеркальце бы еще, если есть.

Женщина довольно кивнула:

– Располагайся, отдыхай. Сейчас я что-нибудь на стол соберу. Белье я меняю раз в десять дней, если хочешь, чтобы почаще, скажи.

Я лежал на широкой кровати, раскинув ноги, и смотрел в потолок – впервые за много дней мне было как-то спокойно на душе. Я знал свою цель, знал, что мне делать, и на ближайшие месяцы распланировал все шаги. Сейчас нужно найти работу – самое главное. А затем... затем то, что я задумал. Незаметно для себя я задремал и сквозь сон вдруг услышал, что кто-то меня зовет. Я вздрогнул – показалось, что это моя мама.

– Спускайся! Иди похлебай супчику, я утром варила!

Я очнулся, это была матушка Мараса.

Через пятнадцать минут мы сидели с ней за столом в кухне – я уплетал суп, а она, подперев голову рукой, смотрела, как я ем. Потом спохватилась, отвернулась от меня и вынула соринку из глаза – а может, это была и не соринка...

– А где думаешь устроиться работать? Ты что умеешь делать?

– Матушка, все, что я умею, это убивать, – с горечью сказал я. – Не научили меня ничему больше. Еще, как обнаружил на днях, немножко я умею заниматься волшбой. Уж не знаю насколько – тоже не учили, но лампу зажечь могу. Учил меня один друг, бывший боевой маг. Но опять же – те заклинания только для боя, так что лечить я не могу – только калечить. Да и калечить не смогу устроиться, с моей-то ногой.

Я отложил кусок лепешки – он в горло не лез, опустил руки на стол и, наклонившись, стал рассматривать изрезанную ножом толстую деревянную доску.

– Мне хотя бы серебряник в день – на прокорм, за квартиру...

– Ну, серебряник в день это немало... если ты ничего не можешь делать, кроме как... кроме чего? Ты вот что, мести двор умеешь? Полы мыть? Паутину сметать и ремонтировать дверцы шкафов?

Я помолчал и посмотрел в хитрое лицо Марасы:

– А что, есть что-нибудь на примете?

– Есть! – торжествующе заявила она, подбоченясь. – Вот и от матушки Марасы прок! Есть такая работа!

– Ну так и какая работа? Платным танцором? Пажом у прекрасной дамы?

Мараса засмеялась:

– Ну, шутник! А что, ежели бы не твоя нога... Ладно, смотри какая вещь, вчера я шла в лавку, и встретила мне соседка Сарана, она тут живет неподалеку. У нее еще сын с моим дружил, а сама она кухарка. Так вот, иду я в лавку – смотрю, она разговаривает с каким-то мужчиной, такой серьезный мужчина – не такой высокий, как ты, но крепенький, с мечом на поясе. И чего-то они разговаривали, разговаривали, а она и пошла дальше, за мной то есть – я мимо прошла...

– Тетушка, а можно к делу ближе, – взмолился я, – у меня от этих Саран уже голова кругом!

– Так я и к делу! Так вот: ищут они человека, чтобы убирался, ремонтировал шкафчики и стулья, подметал и вообще прибирался. И платят – внимание! – по серебрянику в день, как ты и хотел!

– Да кто они-то? – уже рассмеялся я. – Император и его супруга?

– Какой император? При чем император? А, опять шутишь! – улыбнулась она. – Я разве не сказала? Там школа какая-то, где молодые богачи скачут с железками, а хозяину школы потребовался уборщик и в его же лице мастер по ремонту мебели. Сможешь? Я за тебя поручусь, если что, меня люди знают!

– Богачи скачут с железками... а что, это интересно, – задумчиво протянул я. – Когда можно туда пойти?

– Да завтра с утра и пойдем! Позавтракаем и пойдем! Я сейчас в лавку сбегая – куплю тебе то, что ты просил, а ты отдыхай, скоро работать будешь в поте лица. Накушался?

– Да, все, спасибо. Пойду отдохну.

Я забрался наверх, улегся на кровать и стал думать.

Похоже, это какая-то фехтовальная школа – мне вообще-то повезло. Фехтовать я умею, но только ножами.

Достав свою трость, выдернул из нее клинок со следами крови – его мне подарили ребята, с которыми служил. Говорили, что один из полевых командиров чеченцев после ранения с ней ходил, ему сделали по спецзаказу, а когда мы его ликвидировали, кто-то из ребят и прихватил ее. Вообще в Чечне всегда можно было разжиться. Или редким барахлом типа кинжалов или старинных карамультуков (они все свои музеи после начала войны разграбили), или иностранным оружием вроде беретт или глоков, или просто деньгами – почти у каждого убитого боевика в карманах лежали пачки долларов, которыми им платили за убийство наших солдат. Я на войне много чего насмотрелся. Люди там и богатели – один мой знакомый летеха взял с трупа сто тысяч долларов, настоящих, – и опускались до полного скотства, как охранники в фильтрационных лагерях, но даже среди них мы славились беспощадностью и зверством – все человеческое из нас сознательно вытравлялось еще на этапе обучения. Если нужно было достичь результата, вырезали всех, кто мог видеть, слышать, находиться под подозрением. Может, на тот момент это и было оправдано, но те, кто отдавал приказы, сидели очень далеко от нас, и руки в крови по локоть были не у них.

Скоро вернулась Мараса, покричала мне снизу и, поднявшись по лестнице, отдала бритвенные принадлежности и мыло. Дело было к вечеру. Подумав, я решил навестить некий трактир – посидеть, выпить пива. Взяв с собой золотой и несколько серебряников, я отправился в порт. В трактире «Парусник» бурлила вечерняя жизнь – он был почти до отказа полон, но я все-таки сумел найти столик, правда, в неудобном месте, возле прохода, через который бегали официантки, разнося заказы клиентам. Заказав пива и соленого сыра, я стал наблюдать за залом. В дальнем углу, напротив выхода, компания наемников, бурно выражая свои эмоции, играла в карты. Поодаль сидела разношерстная группа – то ли пираты, то ли просто корабельщики – в цветастых одеждах, шароварах и косынках на голове.

А вот и те, которые мне нужны, – уже наметанным глазом я выхватил из числа посетителей заведения несколько мужчин в неприметной одежде, сидевших со строгими и подозрительными лицами. К ним время от времени подходили какие-то курьеры, вели разговоры и тут же отправлялись по своим делам. Эти люди никуда не спешили, делали заказы, чего-то получали и отдавали курьерам – видно было, что здесь у них нечто вроде офиса. Я попытался понять, кто из них Якорь. Мне показалось, что это вон тот важный пузан справа – их там было трое, – но решил еще проверить свои наблюдения. Допив кружку слабенького пива, я заказал еще одну и стал прислушиваться к разговорам.

Среди какофонии звуков вдруг всплыла фраза: «Отнеси Якорю, он заказал!» – я напрягся, всматриваясь боковым зрением, кому отнесут заказ. Мне стало смешно – Якорем оказался не тот пузан, которого я выбрал за размер и важность, а небольшой, неприметный человек лет сорока, сидевший рядом с ним и принятый мной за бухгалтера, таким он казался неброским и лохообразным. Однако, понаблюдав за ним, я понял, что внешность, как всегда, обманчива. Вряд ли на такой высокой должности в мафии мог оказаться слабый и глупый человек – это вам не сетевой магазин, где можно устроиться по блату коммерческим директором, будучи дуб дубом.

Я просидел еще долго, пока не заметил, что Якорь собирается уходить, тогда, под шумок в зале, вышел из трактира и стал поджидать его за углом, в темноте – на улице была глубокая ночь. Мне в голову пришла мысль: что скажет матушка Мараса по поводу моих ночных вояжей? Надо что-то придумать...

Мысль была прервана шагами: несколько человек двигались в сторону порта. Вокруг было тихо – ни случайных прохожих, ни повозок – в такое время суток большинство горожан

предпочитают сидеть за прочными засовами на дверях. А в портовые районы, как говорил мне Катун, даже городская стража заглядывает редко и неохотно – отсюда можно просто не уйти.

Но эти люди ничего не боялись. Они довольно громко разговаривали – видно было, что идут хозяева района. Неожиданно в их разговоре, разносившемся далеко вдоль затихших домов, я услышал свое имя и имя Катун.

– Оба мертвые. Катун нет, Седого нет. Сдается, их эти нищие и положили. Только как смогли? Два дедка, а тут наши бойцы – один другого здоровее! Может, не они вообще, а кто-то другой? – Голос, как я понял, принадлежал тому пузанку, сидевшему рядом с Якорем.

– Нищих искать. Седой приметный – его сразу найдут. А там и поспрошаем: кто наших уложил и куда наши деньги делись. А потом в расход обоих, для острастки будет правильно, пусть другие бойчее деньги сдают. Раздайте всем уличным – вора, попрошайкам, торговцам – описание Седого. Как увидят, чтобы к нам бежали. Типа награду дадим. Хм... десять золотых. А кто не скажет, где Седой, кожу сдерем.

Я взял в руки трость и, постаравшись идти как можно бесшумнее, последовал за бандитами. Пройдя метров триста, остановился и прислушался – мне показалось, что сзади что-то зашуршало, я наклонил голову, посмотрел вокруг боковым зрением – вроде тихо. Пошел дальше, ловя разговоры главарей, и... попался.

Моей шеи коснулось что-то холодное и очень острое, негромкий голос сказал:

– Тихо, не шевелись. Иди вперед!

Я послушно зашагал, ругая себя последними словами: вот тебе, хренов разведчик, как я мог подпустить кого-то так близко? Пропил умения свои... С этими грустными мыслями я догнал неспешно идущих бандитов. Двое из тех, что были рядом со мной, подошли к ним, что-то сказали – те развернулись и направились ко мне.

Якорь осмотрел меня с ног до головы в свете масляной лампы – ее зажег кто-то из сопровождающих:

– Это что у нас за чудо? Хромой? Хромой... эээ... да он сам в руки пришел! Парни, да это же Седой! Видали как: вы там его ловите, а стоило мне выйти – и тут он сам ко мне прибежал! Хе-хе-хе... мне надо награду давать, десять золотых... – Его обезьянье лицо искривилось в усмешке. – Ну и что же ты, Седой, тут делаешь? Неужто хотел засвидетельствовать мне свое почтение?

– Он так тихо крался, что мы боялись, нас засечет – он даже эльфа услышал. Думали, все, запалились – ан нет. Не заметил.

– Давайте его в пустой склад, там поговорим! – Якорь повернулся через правое плечо и зашагал к порту.

Через двадцать минут я стоял в кругу бандитов и думал: «Какого хрена я был так неосторожен? Надо же было догадаться, что за ними будет негласная охрана – ну не так же просто они бродят по улицам! Хорошо хоть не отняли трость – видимо, посчитали совершенно безопасной. И это хорошо».

– Ну что, поговорим, Седой? – Якорь равнодушно сделал знак стоящим сзади боевикам, и меня ударили в спину так, что я упал на одно колено – второе у меня не сгибалось, а потому я замер в очень неудобной скрюченной позе.

– Говори, кто убил наших парней, куда делся Катун, где наше бабло! Скажешь или тебе помочь сказать? Парни, он чего молчит-то все время? Ну развяжите ему язык, только слегка – а то подохнет.

Меня начали пинать ногами, я упал в позу зародыша и только старался прикрыть голову – негоже идти на работу с синяками на морде. Впрочем, избежать ударов по лицу все равно не получилось – хорошо, хоть зубы целы. Ощупал их языком, потом, изобразив потерю сознания, обмяк, подсунув трость под себя...

– Вы там его не прибили? – забеспокоился Якорь. – Эльф, ну-ка погляди – живой он там.

Надо мной склонилось вытянутое лицо с острыми ушами, – я видел полуприкрытыми глазами – рука с длинными пальцами оттянула мне веко, и эльф сказал:

– Да он прит... – закончить фразу ему не удалось.

Я выдернул из-под себя рукоять трости с тридцатисантиметровым клинком и воткнул его в глаз существа, и затем здоровой ногой ударил по колену стоявшего рядом бандита – его нога с хрустом сломалась, и он завопил от боли. Не дав никому опомниться, я секущими ударами по ногам свалил еще двух и, вскочив с земли, отразил нож четвертого – распорол ему горло резким выпадом; пузан свалился следом за ним, зажав дыру в животе. Якорь быстро сориентировался и спринтерским рывком попытался покинуть склад – я метнул ему вслед стилет, пробив ногу сзади в подколенной впадине. Похоже, лезвие вышло у него из коленки, и это было страшно больно (по себе знаю). Под ногами шевелились подрезанные бандиты – я обошел всех, оглушил ударами, увернувшись от ножей, которыми они размахивали, свернул головы как курятам.

Якорь со стилетом в коленке успел отползти почти за угол склада, когда я взял его за здоровую ногу и поволол обратно. Бросив его рядом с мертвыми подельниками, я сказал:

– Сейчас ты умрешь. Но у тебя есть выбор – ты можешь умереть быстро, а можешь медленно и мучительно. Чтобы все быстро закончилось, ты ответишь на мои вопросы. Тебе все ясно? – Я подошел к лежащему Якорю, сцепившему зубы и бледному как смерть, и выдернул из него стилет.

– Ясно. Что ты хочешь знать?

Стоило отдать должное Якорю – держался он хорошо, мужественно... или на что-то рассчитывал? Человеку, когда он еще жив, всегда кажется, что вот-вот, и все кончится нормально, хорошо и что вот эти неприятности только дурной сон, а стоит проснуться – все и закончится. Скорее всего, он так и не поверил, что уже труп.

– Я хочу знать, кто такой Хозяин и где его найти.

Якорь хрипло засмеялся сквозь гримасу боли, потом сказал:

– Да ты болван! Никто не знает, кто такой Хозяин, и я не знаю. И они не знали.

– А как же ты получал приказы?

– Дурак! Да не было никаких приказов! И Хозяина никакого нет! Это рассказка для дураков, для того чтобы держать всех в подчинении, в страхе! Чтобы никто не мог и помыслить покуситься на меня!

Я замер, разочарованный, – вот и еще одна легенда, миф... Почему-то я сразу ему поверил. Да и зачем врать человеку, находящемуся на пороге смерти?

– Слушай, Седой, я тебе заплачу и даже стану тебя преследовать – отпусти меня, доставь к лекарю – я дам тебе... десять тысяч золотых! Ты за эти деньги сможешь вылечить свою ногу, купить дом! Двадцать тысяч! Решайся! Ну?! Ты будешь богат! – Якорь с надеждой смотрел на меня, хитро поблескивая глазами. Главное, уйти отсюда живым, можно наобещать что угодно – ну а потом видно будет.

– Понимаешь, какая штука, Якорь, ты разбудил во мне Зверя – так меня когда-то звали, до того как я стал Седым. Был у меня один друг, вы его убили. Теперь у меня одна задача – отомстить всем вам. И тебе в первую очередь... Это ведь ты послал двух уродов к больному Катуну. Они его убили. Теперь умрешь ты.

Я вонзил в грудь бандиту стилет – тот дернулся, схватившись рукой за лезвие и распахав ладонь до кости, потом умер, закатив глаза.

Обшарив трупы, я собрал довольно большую добычу – больше трехсот золотых, а также много серебряников и медяков. Сложив все в куртку, снятую с убитого, я направился на выход. Подумал – вернулся. Пошарил еще, собрал все предметы, похожие на амулеты, – потом разберусь, какой для чего.

К дому я подходил уже на издыхании – нагрузка для больной ноги была слишком велика, ее разрывало, как щипцами, мышцы онемели и с трудом слушались. Из-за боли в ноге не чув-

ствовало боль в спине и боках, отбитых сапогами. Теперь нужно было подумать, как попасть в дом, минуя тетюшку Марасу, – мне не климатило появиться ночью, в крови, с большим тяжелым узлом на плече.

Я потолкался у забора, потом заметил, что окно в мою комнату осталось открытым. Тихо войдя в калитку, я проковылял в палисадник, прицелился и со всей силы метнул узел на второй этаж. Он точно влетел в окно и плюхнулся рядом с кроватью, издав гулкий тупой шлепок. Я сразу рванулся к входной двери и застучал в нее:

– Тетюшка Мараса, это я, Викор!

– Викор? А чего ты так поздно-то? Что случилось? – Она зажгла лампу и посветила, открыв мне дверь. – Что у тебя с лицом?

– Я в трактире засиделся, хотел послушать музыкантов. Потом пошел домой, на меня напали и ограбили. Вот сейчас только очнулся и сразу припелся. Матушка, у вас нет какого-нибудь средства, чтобы на лице синяков не было? А то как я завтра на работу устраиваться пойду?

– Сейчас, сейчас найдем примочки! Что я, не лекарка, что ли! Сиди здесь, я сейчас принесу.

Я незаметно перевел дыхание – все прошло отлично. Мараса ничего не заподозрила. Вообще-то надо найти способ выбираться из дома незаметно. Интересный метод зарабатывания денег: на тебя нападают, ты их глушишь... ап! – деньги в кармане. Такой лов на приманку. Идет хромой человек, беззащитный, к нему отморозки – а он их всех валит. Я хмыкнул. Хорошо, конечно, но главное – чтобы меня самого не завалили. Бандиты были только с ножами – у них не принято ходить с мечами и саблями – а если сабля? Да меня на кусочки пошинкуют... Ладно, если один будет, а два или три – всех сразу не положишь. Надо будет это обдумать...

– Вот и я, вот и я... – Тетюшка внесла в комнату чашку, в которой была какая-то бурая липкая жидкость, и кусочки ткани. – Давай-ка сейчас намажем – завтра будешь как огурчик, ни одного синяка не останется. Вот, гады, что наделали! Ненавижу эту шпану! Тут тоже бродят такие озорники – как-то повадились у нас под окнами выпивать и кричать, ругаться – я им замечание сделала, так они мне в окно камень кинули. Защитить-то некому, вот и хулиганят. Не трогай руками. Не трогай! – прикрикнула она. – Щиплет? Пусть щиплет! Значит – лечит. Что это за лекарство, если оно не противное и не щиплет! – засмеялась лекарка. – Надо, чтобы еще сильнее жгло, чтобы больше не лазил, куда не надо! Облепить тебя с ног до головы, небось не стал бы больше по трактирам шастать! Ладно, давай смывать мазь. Иди спать. Завтра разбужу рано, будем тебя на работу собирать.

Деньги я спрятал по разным углам – пришлось в одном месте поднять половицу и сложить туда основную часть – наверху оставил двадцать золотых и мелочовку, рассовав по сумкам. Вряд ли, конечно, Мараса стала бы лазать по моим вещам, но кто знает – бабулька она любопытная, а объяснять, откуда у меня взялась такая сумма наличными, мне никак не хотелось.

Мараса, как обещала, подняла меня довольно рано и погнала мыться – пришлось обливаться холодной водой из колодца. Моя куртка была безнадежно испачкана кровью, и тетюшка выдала мне другую, вполне приличную, сказав, что она осталась от ее сына, – немножко коротковата мне, но вполне сойдет. Так оно и вышло.

К тому времени как мы подошли к зданию школы фехтования, я выглядел вполне благообразно: бедно, но чисто.

У входа в школу стоял дежурный парнишка, который побежал за хозяином. Им оказался человек среднего роста, лет сорока пяти на вид, кряжистый, с мощными жилистыми запястьями рук, с ладонями, покрытыми мозолями от меча. Он строго осмотрел Марасу и меня:

– Привет, Мараса. Что привело тебя ко мне?

– Вот, господин Ланкаста, работника вам привела. Мне сказали, вы ищете себе уборщика и ремонтника – так вот это он и есть.

– Хм... что-то он больше на покалеченного наемника похож, чем на уборщика. Я, в общем-то, думал старичка какого-нибудь найти. Да ладно, метлу можешь в руках удержать?

– Вроде могу, – буркнул я, – руки целы.

– Жалованье тебе два серебряника в день плюс питание – от общего котла. В твои обязанности входит следить за чистотой, подметать двор, если сломаются шкафчики или стулья – ремонтировать. Все ясно?

– Ясно. А смотреть на занятия я могу?

– Смотреть? – с интересом поглядел на меня Ланкаста. – Можешь, если время будет. Вдумаешь что-то украсть – будешь бит и вылетишь в тот же час. Один выходной в неделю, время работы с утра и до вечера. Если прикажу остаться до ночи – дополнительная оплата.

– Когда приступать?

– Да хоть сейчас.

– Спасибо, тетушка Мараса, я остаюсь. – Попрощавшись с ней до вечера, я отправился за Ланкастой.

Школа фехтования, а это именно она и была, представляла собой большой манеж под крышей. Вокруг него были здания, в которых находились склады, кухня, столовая для курсантов, тренировочные залы и душевые комнаты. Как я узнал, курсантами здесь являлись молодые люди, которые хотели в совершенстве изучить искусство фехтования и рукопашного боя.

Каждый благородный господин должен был уметь: скакать на коне, танцевать, владеть хорошими манерами и самое главное – фехтовать и дать отпор без оружия. Вот этому тут и учили – за тысячу золотых в год. Видимо, Ланкаста был известным человеком, раз дворяне платили такие деньги за его уроки. В манеже бегали, прыгали, бились на палках человек тридцать учеников разного возраста, из чего я сделал вывод, что Ланкаста совсем не бедствует.

Хозяин школы отвел меня на кухню, где суежилась соседка Марасы, пресловутая Сарана, та выдала мне метлу, тряпку и деревянное ведро – так началась моя служба в школе фехтования Ланкасты.

Я являлся на работу примерно к девяти утра, начинал с протирания полов в зимних спортзалах, где в холодное время года тренировались курсанты, и в административном здании, потом переходил на территорию вокруг манежа – собирал мусор, подметал. Иногда приходилось ремонтировать стулья и столы, расшатанные резвыми курсантами. Меня они не замечали – как мебель. Кто я для них был? Всего лишь хромой уборщик.

Занятия в школе заканчивались около пяти вечера, курсанты расходились, я прибирал за ними, потом мог отправляться домой. Работа была не особенно обременительная, но довольно унижительная – потому, видимо, не очень-то хотели на нее идти. Но меня интересовала не сама работа, а то, чему и как учат курсантов. А учили их интересно: кроме обычных упражнений на выносливость и реакцию, очень похожих на те, что преподавали в военных училищах Земли, их тренировали владеть различными видами оружия – от шпага и рапир до тяжелых боевых топоров. Учили также метать ножи и драться голыми руками.

В фехтовании я был полный профан, но вот в рукопашном бое и метании ножей я мог бы дать фору всем этим курсантам, и не только им – даже самому Ланкасте. Вот что у него было не отнять – он был эффективный и молниеносный фехтовальщик, биться против которого – все равно что сразу умереть. Хотя мне иногда и закрадывалась в голову мысль: в тренировочном поединке – все мастера, а вот если бы пришлось на самом деле убивать? Потом я узнал, что и это он делал, и не раз. Ланкаста выигрывал фехтовальные турниры, еще служа в армии, и прославился подвигами на войне с Аранией.

Каждый день, после того как я заканчивал собирать и подметать, а курсанты разбегались по домам, в мои руки ложилась палка, с которой тренировались фехтовальщики, и я повторял

движения, виденные мной. Через два месяца я уверенно повторял все ката, удары и стойки – увы, противники у меня были только воображаемые.

Как-то вечером, когда я, увлекшись, наносил палкой удары воображаемому противнику, сзади послышался голос хозяина:

– Ты должен контролировать удар, если ты следуешь стилю, применяемому в нашей школе. Есть два способа: или ты бьешь сквозь тело противника в точку за ним, или ты до конца контролируешь проникновение в тело. Сейчас ты пользуешься имитацией легкого меча, он не предназначен для пробивания тяжелых доспехов, а значит, должен применяться с контролем.

Ланкаста медленно подошел ко мне:

– Викор, кто ты такой? Я следил за тобой все это время. У тебя тело опытного бойца, боевые раны, но ты совершенно не умеешь владеть мечом. Мне просто интересно, не думай, что я лезу в душу. Решил поговорить с тобой. Пойдем-ка! – Он вошел на арену, взял из стойки палку, имитирующую кинжал. – Оставь меч, иди сюда. Защищайся!

Он провел несколько ножевых ударов слева направо, потом ударил в солнечное сплетение, изменяя направление движения. Я легко ушел от нападения, выбил нож и обозначил удар в кадык двумя пальцами, которые вырвали бы ему гортань в настоящем бою.

– Хорошо... а если вот так?! – Он взял два ножа и стал чертить ими в воздухе, рисуя замысловатые спирали.

Я проследил за лезвиями, вписался в один из ударов и, крутанув мастера в воздухе, отправил на песок арены приемом айкидо.

– Ого! А ну-ка с мечом!

Меч в его руках летал как стрекоза... После нескольких уворотов я пропустил болезненные удары по ребрам и голове.

– Так, складывается впечатление, что тебя учили работать только против коротких клинков – ножей и кинжалов. Бери нож!

Я взял нож, и мы сошлись с ним в ножевом поединке – клинки ударялись друг о друга, создавали в воздухе причудливые фигуры – тут я был с ним на равных и, может быть, даже превосходил. Вряд ли он в своей жизни бился на ножах с реальным противником, а я бился, и не раз.

– Ясно, тут ты мастер. А ну-ка пошли сюда! – Он отвел меня к щиту, в который метали ножи. – Бери вот эти ножи и пробуй их метнуть в цель – вот в эту фигуру человека.

Я взял несколько ножей, взвесил каждый на руке и очень быстро метнул их по очереди так, что в плечах, горле, легком, сердце и животе «человека» через пару мгновений торчало по клинку.

– Да, отлично. Странный ты уборщик. Кого ты там убирал, интересно! Фехтовать не умеешь, ножом владеешь лучше меня. Я еще тебя в рукопашном не пробовал, но почему-то кажется, что ты меня одолеешь, даже с больной ногой. – Ланкаста испытующе посмотрел мне в лицо: – Думаю, нам надо серьезно с тобой поговорить...

Глава 3

Я прошел за Ланкастой в его кабинет, там стоял огромный письменный стол с удобным креслом, в которое хозяин сразу уселся, на стенах, обитых серым шелком, висели картинки: пейзажи, какие-то цапли и болота. Там же на специальных подставках лежали два изогнутых меча в серебристых ножнах – я уже знал, что они наградные, за выигрыш в турнире мечников.

Ланкаста проследил за моим взглядом и улыбнулся:

– Да, два раза подряд я завоевывал титул лучшего мечника империи, пока не решил оставить это дело более молодым. Своего я уже добился – авторитет заработал, школу открыл, зачем теперь мне эти волнения и возможные травмы. А вот ты, Викор, чего ты добиваешься? Зачем ты пошел на эту работу? Ты же воин. Если бы не твоя нога...

– Если бы не моя нога. Вот вы и сказали ключевую фразу. Вы представляете, сколько стоит вылечить мою ногу? Нет? Десять тысяч золотых. Я уже узнавал. И кому я нужен? Я умею только убивать. Но с такой ногой даже это не могу делать как следует. Господин Ланкаста, давайте начистоту: что вы хотите? О чем хотели поговорить?

Ланкаста помолчал, потом ответил:

– Хорошо, я буду говорить прямо. Еще когда ты появился на пороге моей школы, я понял, что ты совсем не прост. Я воина вижу издалека, не забывай – я сам воин. И мне стало интересно, что же ищет воин на такой унижительной для него работе, зачем он тут? Шпион? А чего тут шпионить? Все приемы известны, только вот надо правильно их преподать. Я присматривал за тобой в школе, видел, как ты впитываешь знания и учишься. Теоретически ты подготовлен, но практически, в фехтовании, слаб на мечах. Теперь скажи, зачем тебе фехтование и откуда ты взялся такой? От твоего ответа, скажу честно, зависит твоя судьба.

Ланкаста опустил глаза и стал постукивать по столу монеткой. Этот равномерный стук меня раздражал – но не скажешь же своему работодателю: «Заканчивай ты стучать, раздражаешь!» Я улыбнулся неуместным мыслям, а Ланкаста с недоумением и легким раздражением покосился на меня:

– Я что-то смешное спросил?

– Нет, извините, это я кое-что вспомнил. Ну что же, откровенность за откровенность, только потом не говорите, что я тут вам привираю. – Я собрался с мыслями, помолчал и продолжил: – Я человек из другого мира. Как здесь оказался – не помню. Очнулся уже тут. Описывать вам свою жизнь в городе не буду и не хочу – зачем она вам? Главное – я сумел выжить. Моя задача научиться фехтованию, а потом мечом и боевыми умениями заработать денег на лечение, раздать кое-какие долги, задолжал я тут кое-кому... Ну вот как бы и все. В своем мире я был воином, из элитной части. Наше оружие отличается от вашего, потому я умею специфические вещи, а то, что для вас кажется обыденным, для меня вновь. Удовлетворяет вас мой рассказ? – Я криво усмехнулся и посмотрел в лицо хозяину школы.

Ланкаста удивленно откинулся на спинку кресла и, скрестив пальцы рук на животе, пошевелил ими... потом расцепил руки и стал барабанить по полированному дубовому столу:

– Ладно. Допустим, что ты не придумал это. Хотя такой фантастической истории я не слышал никогда. Значит, твоя цель – обучиться воинским приемам этого мира, и ты пошел в школу только для этого? Я не спрашиваю, как ты используешь свои умения – это твое дело. Станешь грабителем – убьют. Солдатом... все равно убьют. У меня есть предложение к тебе. Мне кажется, оно тебе понравится. Я предлагаю, чтобы ты стал инструктором по ножевому бою и по единоборствам без оружия. Платить я тебе буду как уборщику, два серебряника в день, но... за это я индивидуально буду обучать тебя бою на мечах. Как тебе мое предложение?

– Хм... неожиданное. Но вы понимаете, что, когда я обучусь, я уйду от вас? Что я не буду всю жизнь сидеть в школе и обучать этих долбоособей?

– Хе-хе... хорошо сказал – долбоособи! – Ланкаста засмеялся и опять забарабанил пальцами по столу. – Знаю я, что уйдешь. Но пока что я получу минимум на год первоклассного инструктора за гроши. Я хороший делец и знаю свою выгоду!

– Да, вы дельный человек, – тоже засмеялся я. – Я согласен, но надо обговорить несколько вопросов. Например, мне нужны два выходных в неделю, а не один – это во-первых – я еще обучаюсь целительству у тетушки Марасы. Во-вторых, я должен питаться вместе с обучающимися, а не с дворниками и посудомойками, иначе какой авторитет... И еще насчет авторитета: не сочтут ли ученики странным и унижительным для себя, что бывший уборщик обучает чему-то родовитых дворян? Они же меня и слушать не станут! А еще и вам выскажут чего-нибудь неприятное. И вот еще что: мои единоборства в основном включают в себя способы убийства людей бесшумно и эффективно. В них немного приемов, которые могут пригодиться дворянам в их придворных разборках. Ну зачем графу умение удушить веревочкой или воткнуть нож в почку? Нужно определиться, чему их учить, вам не кажется?

– Да-а... в интересной части ты служил, молодой человек... – Ланкаста закашлялся. – Значит, обучим графа Маркуза душить удавкой? Ха-ха-ха... А что? Надоест ему графиня – раз ее подвязкой за шею и айда в бордель!

Ланкаста долго смеялся, потом успокоился и налил себе в кружку из высокой глиняной бутылки:

– Вино будешь? Нет? Не пьешь?

– Пью. Вернее, пил. Страшно пил. Потому – больше не хочу. Боюсь сорваться. Если сорвусь, месяц буду пить.

– Тогда лучше не надо... Что касается авторитета – зарабатывай. Докажи, что ты достоин его. Если ты был воином, ты знаешь, как устанавливается авторитет, не мне тебя учить. Насчет выходных – нет проблем, сделаем. Еще какие-то условия есть?

Я пожал плечами, подумал:

– Да вроде нет... пока.

– Ну ты наглец! Пока! – рассмеялся Ланкаста, с интересом рассматривая меня. – Это прямо-таки обнадеживает, твое «пока»! Давай-ка сразу установим правила: я твой начальник, ты мой подчиненный, вольницы я тут не потерплю. Ты учишь курсантов, я учу тебя. Срок устанавливаем... ну год, к примеру. Через год ты волен уйти куда хочешь, но год отработаешь до конца. Согласен?

– Согласен. Даю слово, что я без вашего разрешения не оставлю преподавание в школе в течение года. Этого достаточно?

– Достаточно. Сколько бы ты ни подписывал документов и ни давал слов, если ты не захочешь выполнить договоренности, кто тебя заставит это сделать, правда же? Так что завтра с утра приступай к занятиям. А сейчас иди домой, отдыхай, завтра у тебя трудный день... – Ланкаста подмигнул, предвкушая, как я завтра буду разбираться с курсантами, привыкшими видеть меня с метлой и тряпкой.

Дома ждала тетушка Мараса, и ее воркование никак не давало мне вдуматься в то, что произошло. Мой социальный статус изменился. И я из нищего уборщика вдруг превратился в инструктора по рукопашному бою. Что же, судьба играет человеком, а человек играет... хм... на чем? Поднявшись к себе, я улегся на постель, отказавшись сегодня заниматься с травами, чем огорчил тетушку, уже нацелившуюся припахать меня до ночи. Закрыв глаза, я думал: что мне завтра говорить курсантам? Чему их учить?

Итак, передо мной курсанты, из «благородных», из дворян. Значит, мы исключаем из обучения все неблагородные приемы: удары в пах, удары ногами в голову, выкалывание глаз и отрывание ушей... М-да, что-то арсенал приемов сразу убыл на процентов семьдесят. Неужели то, чему меня обучали, настолько грязно и неблагородно? А ведь так и есть – на войне все средства хороши, противника надо быстро и максимально гарантированно вывести из строя.

Что нужно дворянам? Отбиться, если их прихватят без оружия, да еще чтобы приемы выглядели пристойно. Взаимоисключающие вообще-то условия... Через полчаса размышлений я уже примерно знал, как и чему буду обучать курсантов.

На город опустился вечер, и взошла первая луна. Ее красноватый свет покрыл улицы, дома, кусты при дороге и отбрасывал причудливые тени на мостовую. Я положил в котомку магическую лампадку, закинул узелок за плечи, сунул руки в лямки этого импровизированного рюкзака и встал на ноги, подобрав свою клюку. Выбросил из окна толстую веревку, достававшую до земли, – теперь я уже довольно ловко взбирался по ней, пользуясь практически только руками. После многих месяцев без запоев, с хорошим питанием и дозированными нагрузками я окреп, и если не вернул себе прежнюю боевую форму, то уже не был тем истощенным доходягой, который прибыл когда-то в этот мир.

Спустившись на землю, осмотрелся, замаскировал веревку плетями винограда и тихо вышел из палисадника. Дома уже спали – люди этого мира рано ложились, с закатом, и так же рано вставали, обычно перед рассветом. Пройдя по улице несколько сот метров, я спустился в канализационную канаву, поднял решетку слива – обнаружилась узкая каменная лестница, ведущая вниз. Таких входов и выходов по городу было несколько – скорее всего, они служили для того, чтобы ассенизаторы могли забираться в тоннели под городом, вдруг какие-то из них забьются, и их надо будет чистить.

Скоро я шагал по каменным ходам, иногда пригибаясь, иногда в полный рост. Некоторые из тоннелей были сухи и чисты, другие по щиколотку или по колено в грязи и нечистотах – приходилось опасаться газов, выходящих из гниющих отходов. Если бы я упал тут, потеряв сознание, моими могильщиками стали бы только крысы.

Уже много недель я почти каждую ночь бродил под городом, составляя для себя карту подземных переходов. Я знал, где находятся многие из выходов на поверхность, где есть комнатки ассенизаторов, в которых можно укрыться от несущегося по подземелью потока. Это сейчас сухо, но после ливней тоннель мог заполниться до предела, и тогда волна грязной воды может начать смывать все, что в этот момент будет находиться на ее пути. Спасаться в этом случае можно только в комнатках сбоку от тоннеля, сделанных именно для таких случаев. Дважды я едва не погиб, погрязнув в нечистотах, смываемых бурным потоком, но успел забежать в укрытие. Несколько раз я чуть было не наткнулся на людей – иногда тут проходили мелкие группы, скорее всего, бандиты, укрывающиеся после совершения преступления или тайно подбирающиеся к месту преступления. Уберегал меня от нежелательных встреч тонкий слух и какое-то чутье, можно сказать, интуиция. Иногда вдруг меня просто подмывало: спрячься, спрячься!.. И я прятался в нишах или в убежищах – ни разу еще интуиция меня не подвела. Я не знаю, что это было: или развившийся после долгих блужданий под землей дар следопыта, умеющего с помощью слуха и осязания, по вибрациям, определять приближение опасности, или же магический дар, развивающийся у меня все больше и больше. Я уже почти не включал магической лампы, приучая себя смотреть в крошечной темноте переходов, – у меня было ощущение, что если я привыкну к темноте, то буду видеть в ней вполне неплохо. Это подтвердилось в дальнейшем: притерпевшись к тьме, я уже мог неплохо видеть в тоннелях, только все там выглядело бесцветным и каким-то призрачным, как будто от предметов и стен исходило слабое мерцание. Возможно, мое «темновидение» было все-таки результатом просыпающихся магических способностей, как и повышенная интуиция. Мне нужны были пути – подхода, отступления, незаметного перемещения. Как их определить, если не бродить по норам под городом? Иногда я усмехался: канализационные ходы – славное место для такого отброса жизни, как я. Долго я размышлял, как мне найти место в этом мире? Нигде не нужны калеки, нигде не нужен человек, который с трудом перемещается, да еще и является алкоголиком. Насчет алкоголизма: как ни странно, но все это время я держался, видимо, срабатывал некий рефлекс, не позволявший мне потерять контроль над собой, находясь на боевом задании. Уже

я не офицер ГРУ и не на войне, но все равно включался этот механизм, не дававший мне расслабляться. Даже после трагической смерти Катуня я не запил и, лишь сцепив зубы, решил отомстить, а заодно подняться со дна, чтобы никто не смог поступить со мной, как с этим несчастным стариком. Что было у меня в плюсе – специальная подготовка, опыт войны. Что в минусе – больная нога, низкий социальный статус и невозможность легально заработать себе на приличную жизнь. Значит, я должен был заработать нелегально. Каким образом? Грабить и воровать. Все. Другого не дано. Вся моя жизнь зависела от денег... Да, а когда было иначе? Что, на Земле я мог прилично жить, имея в запасе пенсию по инвалидности? Смешно! Кого грабить, у кого воровать? Забавно было бы: боевой офицер идет по улице и гопстопит прохожих. И стремно, ведь даже убежать не успеешь. Воровать? То же самое. Я мог или воровать у богатей, или грабить грабителей – как я сделал с Якорем. И то и другое опасно, и возникал опять же замкнутый круг: инвалид вроде меня не мог эффективно воровать и грабить, имея больную ногу, а больную ногу можно вылечить, только имея не менее десяти тысяч золотых – я уже узнавал у лекаря. Этот лекарь-маг взял с меня два золотых только за обследование и сказал, что меньше чем за десять штук никто не возьмется меня исцелить. И не в том дело, что нужен лекарь высокой квалификации, а они много берут, но еще необходимо несколько ингредиентов для заклинаний, которые редки и стоят дорого. Он называл что-то вроде крови дракона, пальца неродившегося ребенка и хвоста ящерицы с одного из Пиратских островов – но меня затошнило от перечисления этих ингредиентов, и я быстро распрощался, придя в отвратительнейшее состояние духа. Нет бы здешним магам применять в волшебстве что-то более эстетичное и красивое, к примеру, лилии и георгины! Почему такую гадость надо использовать? Сдается мне, что они накручивают эти ужасы для большего эффекта, а на самом деле все гораздо прозаичнее. Но что поделаешь – приходится верить на слово... и искать деньги. Вот после того как я найду деньги и вылечусь – вот тогда уже будет полегче. Там посмотрим, что может человек двадцать первого века. Впрочем, а что он может-то? Без своих танков, самолетов и СВД¹ с прицелом ночного видения?!

Мои мысли прервал гулкий удар и шлепанье ног по мокрому полу тоннеля. Впереди замаячил огонек, обжегший мои привыкшие к темноте глаза ярким фитилем.

– Давай снимай с него камзол! Перепачкался весь!

– Да ниче страшного, отстирается, только вот дырку на спине зашивать придется. Ловко ты его подрезал, он даже не пикнул.

– А че ты хотел – сколько лет я промышляю! Меня этому удару научил на каторге один старый айтанец – у них так разведчики снимают часовых: рраз в почку – и тот даже пикнуть не успевает, заваливается, даже если живой – уже доходяга, не жилец. Ну давай снимай все, потом Калазу отнесем – еще пару серебряников получим.

Люди зашлепали ногами, завопили, а я переместился к ним поближе, осторожно подволакивая несгибающуюся ногу. Из клюки показалось жало стилета... короткое движение – грабитель молча осел на грязный пол... действительно не пикнул. При ударе в почку сразу падает кровяное давление, человек почти мгновенно теряет сознание и быстро умирает от потери крови.

– Что с тобой, Карыз? Кто здесь? – Бандит испуганно замахал фонарем из стороны в сторону: – Не подходи!

Он достал длинный нож и стал махать им, как будто борясь с невидимым противником. Его красное лицо, покрытое прыщами, было залито потом, а вытаращенные глаза с ужасом смотрели в темноту... мимо меня. Он был освещен как мишень – я метнул стилет, вонзившийся ему в грудь. Бандит уцепился за рукоять, пытаясь в горячке вырвать из себя клинок, потом его глаза закатились – уж трупом он опустился рядом со своей жертвой.

¹ Снайперская винтовка Драгунова.

Выждав некоторое время, я прислушался – вокруг было тихо, и только капли, падающие с потолка сырого тоннеля, да шорох крысиных лап нарушали покой подземелья. Обшарив трупы, я обнаружил туго набитый мешочек с золотыми, который грабители взяли у жертвы, перстни, кольца, какую-то мелочовку в виде серебряников и медяков. У убитого грабителями в поясе обнаружил непонятные документы – решил рассмотреть на досуге и сунул в котомку за спиной. Туда же отправились и все деньги. Амулетов я не обнаружил, ножи осмотрел – ничего дельного не было, и я бросил их на месте.

Сегодня выход был удачным, и я, довольный, отправился восвояси. Дома я пересчитал деньги – оказалось двести золотых, а кроме того, в маленьком сафьяновом мешочке лежало несколько самоцветов без огранки – похоже, небольших рубинов. Цену я их не знал, потому просто бросил мешочек в тайник под половицей и забыл про него.

За время моей «охоты» я заработал – с теми деньгами, что отнял у Якоря, – уже пять с половиной сотен золотых. По меркам этого мира я был вполне этак состоятельным человеком, хотя до моей мечты – «новой» ноги мне еще было ох как далеко. Однако цель теперь у меня была. Кому не хочется стать полноценным здоровым человеком – после долгих лет боли и унижений...

Утром я, как обычно, был уже в школе. Ланкаста выстроил курсантов и объявил:

– Это ваш преподаватель по рукопашному и ножевому бою. Звать его господин Викор. Он преподаст вам уроки владения ножом – метание ножей, бой на ножах, а также обучит приемам боя без оружия. Этим вы будете заниматься до обеда. После обеда – фехтование. Завтра с утра фехтование, после обеда – с вами занимается Викор. Запоминайте график. Ну все, господин Викор, приступайте к занятиям, я покидаю вас. – Ланкаста незаметно мне подмигнул и удалился прочь.

Я, опираясь на свою палку, обошел строй угрюмо молчащих курсантов, осмотрел их и спросил:

– Вопросы есть? Будем знакомиться?

– А что знакомиться... дожили – нас уборщик учить будет, – раздался возмущенный голос из строя, – за что только деньги платили! Может, научите нас, как метлой махать?

Строй загудел, парни с недовольными лицами закивали.

– Правда, Ланкаста спятил! Чему мы научимся от хромой развалины!

– За что деньги плачены?! Эта развалина только гадить научит под себя!

– А тебе, Амос, не надо учиться гадить под себя – ты это с детства делаешь!

– Ах ты, сучонок, это я-то делаю? Да ты вообще худородный выкидыш, тебя папашка с кухаркой прижил!

В строю возникла потасовка, курсанты образовали полукруг, в котором два парня – один высокий, крепкий, похожий на картинного былинного богатыря, с синими глазами и правильными чертами лица, а второй – брюнет, невысокий, но кряжистый, с жестким скуластым лицом – пытались ударить друг друга, кружились, обменивались оплеухами под крики веселящихся товарищей. На «горизонте» появился Ланкаста, который с неодобрением взглянул на происходящее, потом улыбнулся и пожал плечами: разбирайся, мол, и ушел к себе. Я посмотрел на все это безобразие минуты три, потом взревел диким голосом американского сержанта:

– Стоять всем! Быстро в строй, сукины дети! Распоясались, уроды!

Курсанты от неожиданности прыснули в стороны, образовали строй, и только два «единоборца» пыхтели за их спинами. Я выступил вперед, раздвинув палкой строй, подошел к одному из них, старавшемуся вытряхнуть другого из куртки методом тряски за шиворот, и сильно врезал клюкой по его оттопыренному заду – так, что он взвизгнул и схватился за ушибленное место рукой:

– Ааа! Сука! Чего творишь, урод! Щас я тебе скулу-то сверну!

Курсант – тот самый высоченный блондин – бросился на меня с кулаками и тут же полетел носом в песок арены. Вскочил, взревел, как бык, и снова улегся на пол, притом я ухватил его за руку и взял на болевой прием, прокомментировав ситуацию:

– Смотрите, господа, вот лежит парень, скулит и воет, как щенок, а до этого вел себя, как бык, рогов только не хватает! Если я еще немного нажму ему на руку, то она сломается в локте, еще немного – сломаю запястье, и он тогда не сможет не то что девушку удержать, но даже помочиться без посторонней помощи ему будет трудно. А еще смотрите: я могу делать с ним все, что захочу. Видите, как он вертится на арене, ну чистая змеюка! А все почему, спрошу я вас? Вот вы, курсант, как вас? Курсант Ардак? Курсант Ардак, скажите, почему он оказался в таком беспомощном и унижительном положении?

– Он обидел вас, и вы его наказываете...

– Неверный ответ. Кто-то еще мне скажет?

Курсанты молчали, глядя на скулящего передо мной здоровенного товарища.

– Не знаете. Ага. Поясняю: этот курсант, имя которого я знать пока не хочу, совершил ошибку – он напал на мастера рукопашного боя, что в конечном результате означает его поражение. То, что он напал на своего преподавателя, я оставлю в стороне – я его достаточно наказал, и докладывать об этом господину Ланкасте не будем, но и безнаказанно оставлять такое безобразие тоже нельзя. Представьте, если бы вы были в боевых условиях, а ваш подчиненный напал бы на вас, вместо того чтобы выполнить приказ? Что бы было? Вот вы, скажите.

– Его бы разжаловали в солдаты, а если бы командир погиб – повесили бы!

– Ага. Вы, курсант, знаете службу. Видимо, ваш отец правильно вас воспитывал.

Курсант, которого я спросил, покраснел от удовольствия и надул грудь:

– Мой отец, полковник Васман, служит в гвардии императора!

– Передайте вашему отцу мою благодарность за правильное воспитание сына.

Я отпустил лежащего буяна и повернулся к курсантам:

– Драчуны, встать в строй. Выровнялись. Сейчас будем учиться встречать своего учителя. Ну-ка, на мое приветствие все дружно: «Здравия желаем, учитель!» Не слышу! Что вы, как бараны, беэ-э-э... беэ-э-э! Начали!

Я еще минут двадцать муштровал своих подопечных, пока добился вместо блеяния хоть не очень дружного, но слаженного ответа на приветствие. Теперь можно было переходить к третьей стадии. Первые две – задавливание силой и похвалой, а также постановка всей группы на статусное место – прошли нормально. Теперь у меня был четко обозначенный статус учителя, у них – бесправных учеников. Пока они не осознали, что находятся в этой школе ниже меня по положению, пока не поняли, что они никто, а я над ними царь и бог, – двигаться дальше было нельзя.

– Итак, господа, я буду учить вас тому, чему вас не обучат ни в офицерской школе, ни в академии, нигде – только здесь, у меня. Некоторые вещи покажутся вам гадкими, отвратительными, просто мерзкими, но они, возможно, когда-то спасут вам жизнь и свободу. Я буду учить вас убивать голыми руками, ножом, дамской шпилькой, веревкой и древесным сучком, всем, что окажется под рукой. Курсант Ардак, выйдите из строя! Курсант, скажите, вот у вас выпала из руки сабля. Или у вас нет возможности ее выхватить, а на вас налетел враг – ну, допустим, грабитель в переулке. Что вы будете делать? Ну, после того как вы уже закричали: «Караул! Стража, ай-ай, я протестую!» – что будете делать?

Строй засмеялся, а Ардак, покраснев, ответил:

– Я постараюсь ударить его как можно сильнее!

– А вы знаете, как это, сильнее? Встаньте в строй. У вас уже отняли саблю и нахлопали ею по попе.

Курсанты расхохотались, а я продолжил:

– Вы должны уметь одним ударом сломать ему руку или ногу, вырвать кадык или выбить глаз – тогда у него больше не возникнет мысль напасть на боевого офицера или просто благородного дворянина! Этому я и буду вас учить. Разбейтесь на пары, я вам буду показывать, что делать. Вы, идите сюда! – показал я на второго буяна. – Вы встанете в пару со мной. Итак, господа, начнем с самого простого...

Первый день занятий прошел нормально. Ланкаста время от времени выходил из своего кабинета, наблюдал за тем, как идет урок, удовлетворенно кивал и снова исчезал. Я видел, что ему нравилось, как все проходит. Наконец настало время обеда, и я с удовольствием заглотил свою порцию супа, каши с мясом, взял у повара еще добавки и сел на место. Курсанты с уважением поглядывали на меня, и лишь униженный мной хулиган злобно сверкал в мою сторону глазами и что-то шептал своим прихлебателям. Впрочем, тихонько, чтобы я не слышал. Это уже было достижением.

После обеда ребята занялись фехтованием под руководством Ланкасты, а я был на время предоставлен самому себе, пока фехтовальщик не оставил курсантов выполнять упражнения под надзором одного из учеников и не позвал меня за собой.

– Пошли, будем учить тебя благородному делу, а не выкалыванию глаз разбойникам, – весело усмехнулся Ланкаста и подмигнул мне.

Мы прошли в зимний зал, где в стойках стояли отполированные палки, изображавшие мечи, Ланкаста велел выбрать мне одну из них, подходящую по размеру:

– Попробуй несколько разной длины – ты высокий, тебе нужен меч соответствующей длины. Пробуй. Какой ляжет тебе в руку – тот тебе и будет родным. Потом ты уже будешь знать, какой длины меч тебе нужен. Итак, ты выбрал. Приступим к базовым упражнениям...

Так потянулись дни, недели. Днем я тренировал курсантов, тренировался сам, вечером обучался у матушки Марасы составлять лечебные мази, воздействовать на растения в огороде, чтобы они росли пышно и не хирели, а ночью – «охотился».

Скоро пошли слухи, что в канализационных тоннелях под городом завелось чудовище, ядовитый паук или скорпион, который убивает своим жалом всех, кто туда заходит. Это мне сообщила тетушка Мараса, вернувшись с базара. У меня был выходной, и я наслаждался покоем и ничегонеделаньем перед ночной вылазкой, когда она подняла меня криками:

– Викор, сынок, иди обедать! Иди, иди, на голодный желудок не спи! Ты и так худющий – так и девушки не полюбят! Иди скорее! Смотри, чего я принесла: свежих огурцов, грудинки! Иди пообедай – супчик еще утрешний есть! А я чего тебе расскажу – ты просто упадешь! Ну, я в смысле, интересно, – смущенно добавила она, вспомнив, видимо, про мою больную ногу.

Я, крихтя и ругаясь, потащился вниз – есть не больно хотелось, но и расстраивать сердобольную хозяйку тоже не было желания. И вообще солдатский принцип: «Можешь чего-то пожрать – жри. Завтра, может, и не придется. Можешь поспать – спи. Завтра и поспать не дадут...»

Скоро я ел суп со щавелем и заедал его бутербродами со свежей копченой грудинкой – тетушка покупала ее у какого-то своего знакомого торговца с большой скидкой, и по-настоящему копченое мясо было очень вкусно, в отличие от земной грудинки, мазанной «Жидким дымом».

– Ты представляешь, что рассказывают? В тоннелях под городом завелся какой-то оборотень! Выглядит как паук, бросается на всех, кто туда спускается! Втыкает жало – у него на хвосте есть такое, народа уже поубивал – ужас!

Я с трудом прожевал вставшее в горле мясо, откашлялся и спросил:

– Тетушка, а откуда знают, как оборотень выглядит-то, если он всех убивает? Кто туда спускался?

– Хм... м-да, правда. А как узнали? Ну, узнали как-то, люди же на базаре врать не будут! Говорят, выглядит как седой старик, а вместо руки – жало! Ты чего раскашлялся? Не в то горло

попало? На-ка, запей вот квасом – я сегодня из погребца достала, холодный только. Смотри, горло простудишь – опять буду тебя мазать той мазью! Ты не простыл случаем? Дело-то к осени, скоро дожди зарядят, а ты все окно не закрываешь – вот и простужаешься!

Я запил квасом – аппетит у меня пропал совершенно. Кто видел? Ведь просто так ничего не бывает, и базарные разговоры тоже! Кто видел? Ведь никого не оставлял в живых! Нет, а что хотел, бродить в городе по улицам, и чтобы никто не увидал? Нехорошо. Ох как плохо... Надо завязывать с охотой на какое-то время. Так. Надо было переключаться на что-то другое. Карта тоннелей у меня уже в голове – хватит по ним шариться, пора подумать, как денег заполучить.

– Спасибо, тетушка! Пойду жирок набирать – спать буду. – Я поднялся и поковылял к лестнице.

– Погодь ты, я тебе самое интересное-то не рассказала! Говорят, это какой-то нищий по тоннелю бродит! Его убить хотели, а он колдуном стал и теперь под городом ходит, в паука обращается и бегаёт! Седой его звать!

– Интересная история, – проговорил я деревянным голосом, надеясь, что не побледнел, – пойду посплю. Тетушка, не поднимайте меня, ладно? Отосплюсь хоть.

– Ладно, сынок, иди, иди... я тихо буду ходить, спи. Замучил тебя этот Ланкаста – то ты с этими богатенькими скачешь, то с Ланкастой дерешься – вон в синяках весь! Мне соседка рассказывала, как вы там с ним палками машете. Спи, спи давай. Все, молчу.

Поднявшись к себе, я посчитал свои запасы денег: за время своей охоты я собрал тысячу сто золотых, но этого было мало. Если я хотел получить новую ногу. Бандитов в тоннелях я теперь вряд ли увижу, придется переключаться на богачей. Итак, задача: мне надо проникнуть в дом зажиточного человека, взять то, что мне надо, и уйти незамеченным – и это с моей-то больной ногой. Вот чертовщина...

Убивать неизвестных мне людей в их собственном доме – тоже не хочется. Ладно там бандитов – а так просто войти и убить незнакомого человека... Ну а зачем убивать? Ты же можешь просто выключить. А уж проникать в помещения тебя тем более учили.

Итак, что я имею? Имею наличие отсутствия источника финансов. Что должен сделать? Найти новый источник. Кроме как у богачей – взять неоткуда. Тоннели проходят под многими усадьбами знати, выходы есть во дворах – стоит только поднять решетку. В нескольких домах видел выход, ведущий куда-то в сарай. Наверное, их предки не такие уж и благородные были, почудили... Если там выйти, проникнуть в дом... и что? Класть всех? Как найти ценности и деньги? А коли найду ценности – куда их сбыть? Мигом засвечусь... Вот хрень какая! Что же делать?

Давай рассуждать: грабил бандитов в тоннелях – их теперь нет, спрятались и не заходят. Проникать в дома богачей очень опасно, и не факт, что будет куш. Где еще есть деньги? Кстати, десять тысяч – крупная сумма, весить будет килограммов... хм-м-м... много... в банке-то я хранить не могу! Вексель тоже не могу получить за сданные деньги. И как это вообще выглядело бы? Я сдаю денег столько, сколько нищий тип вроде меня за всю жизнь не зарабатывает, – подозрительно. Так-так, что делать? Думай, Витя, думай!

Интересно, а есть тут тотализатор? Ну, если и есть – ты что, поставишь деньги? А если продаешь все? Тотализатор... А есть ли тут бои без правил? Я бы мог там попробовать, выйти на ринг, а почему нет? А потому, что можно засветиться – там еще прекрасно помнят Седого. Нельзя. Думай, думай...

Да, блин, кроме грабежа домов богачей, ничего в голову не идет! Ну что они против меня сделают? Если без оружия – ничего. А вот если там окажется опытный охранник с мечом... Да, я с Ланкастой добился больших успехов, по крайней мере фехтую на уровне середнячка, но против опытного фехтовальщика – ноль. Мне еще работать и работать над собой, да и моя нога не позволяет шибко распрыгаться, а у фехтовальщика ноги – это очень немаловажно.

Вернее, очень важно. Итак, сегодня ночью пробный выход на «дело», а там видно будет. Надо отоспаться пока что...

Я заставил себя успокоиться и заснуть.

В тоннеле было, как обычно, темно и тихо... Я старался не шаркать ногой, перемещаясь очень, очень осторожно. Внезапно впереди, в клетушке для отстоя ассенизаторов, я почувствовал чье-то присутствие. Я не знаю, как это понял, – как будто что-то кольнуло меня, осенило – один человек ждет, затаив дыхание. Я остановился, прислушался, ничего не было слышно. Видел я в подземелье неплохо. За месяцы блужданий у меня развилось какое-то шестое чувство – я видел в темноте. Не очень хорошо, неярко и без цветов, но видел. Это напоминало обзор через прицел ночного видения. Раньше у себя я такого не наблюдал. Я стал замечать это умение только тогда, когда проходил по тоннелям более двух месяцев. Ночное видение сильно помогало мне в моей охоте: я видел бандитов, а они меня нет.

Я тихо двинулся дальше, взяв в обе руки свою палку и ожидая любой неприятности, и она не заставила себя ждать: из-за угла вылетел здоровенный детина с тесаком, рассек воздух возле моего плеча, едва не перерубив его пополам. Я уклонился и сделал выпад стилетом, вонзив его в грудь нападавшего, тот мягко опустился на грязный пол, умерев еще на ногах. Обыскав, я взял его вещи, бумагу и пошел дальше. Проскочил под люком канализации, из которого падал тусклый свет лун, и ушел вверх по овальному ходу.

Произошедшее мне сильно не понравилось. Каким образом этот человек узнал, что я тут буду проходить? Или они наставили по всем тоннелям охотников за «призраком»? Давай делать выводы, сказал я сам себе. Допустим, ты глава бандитской организации – что бы ты сделал, если бы в тоннелях стали пропадать люди? Первое дело – поставить наблюдателей у входов под землю и смотреть, кто влезает. Узнать меня невозможно – да, но только в лицо! А походка, а моя трость! Ой, черт... нехорошо. Последняя вылазка сегодня. Надо что-то другое придумывать или же взять сегодня куш и залечь на дно – надолго, месяца на два-три.

Как еще могут меня взять? Поставить наблюдателей в клетушках ассенизаторов – ведь когда-то я все равно буду проходить там! Почему один был? Логично было бы двух-трех поставить – я же все-таки злобный призрак-паук. Непонятно.

Может, просто раздолбайство? Чего я им приписываю великий ум... Однако осмелился же этот человек напасть на меня в одиночку... Что, если у них уже какие-то подозрения были? Тогда можно бы и выследить меня. Но... выследить меня можно лишь тогда, когда я спускаюсь в тоннели, – то есть поняли, что я спустился, потом поставили шпионов у выходов и прошли за мной до дома. Упс! Это хреново. Значит, надо полагать, у каждого выхода есть по наблюдателю. Тут так: или я найду входы и выходы в систему канализации где-то еще – не те, которые всем известны, – или мне придется не спускаться под землю длительное время. Как это они еще не догадались с арбалетами встать – очень светит получить болт в брюхо...

С такими жизнеутверждающими мыслями я добрался до нужной точки: лесенка поднималась к потолку – я тут уже был – и выводила в угольный сарай какого-то огромного поместья. Он не закрывался, из него можно было свободно попасть на территорию вокруг дома.

Я тихо двинулся от сарая по темной площадке – вдруг неожиданно скользнули две тени, одна вцепилась в руку, другая прихватила за ногу, – собаки! Без лая, без рычания, молча, как акулы, – специально тренированные собаки-убийцы. От дикой боли в больной ноге помутилось в голове... Короткий удар клинком – собака задергалась в судорогах и умерла, еще удар – вторая разжала зубы и свалилась, отпустив руку.

Полежал, чтобы отойти от потрясения и боли, привстал, ощупал места укусов. Главное – кости целы. Синячины будут жуткие, но я и не хожу голым, прикрою рубахой да штанами – никто и не увидит. Подумал, затем, кряхтя и кривясь от боли в ноге, оттащил собак в сарай и

кинул за кучу угля. Передохнул минут пять, подумал: если выпущены собаки, то вряд ли будут охранники, патрулирующие территорию. По крайней мере, можно надеяться на это.

Вышел на площадку возле дома. Палка с клинком в руках, тихо крадусь... Это большой дом, с цветными мозаичными окнами, некоторые из них открыты для проветривания – только затянуты сеткой от комаров и москитов, чем-то вроде марли. Вот и моя дорога. Аккуратно прорезал марлю, втянул себя в окно и мягко упал на пол – все тихо. Где я? Кухня. Тут сейчас никого, но скоро появятся повара готовить завтрак. Конечно, глупо лезть в дом без разведки – но тут или пан или пропал. Но и пропадать я не собираюсь – моя подготовка предполагала проникновения и в командные пункты врага, а не то что в какой-то жилой дом. После месяцев занятий в школе мышцы мои укрепились, волей-неволей мое тело приобрело хорошую физическую форму – вот если бы не нога...

Двинулся вдоль стены, старательно наступая на паркетины мягкой подошвой сапога, всей плоскостью ступни, чтобы не скрипело. Темный холл-гостиная. Везде стоят вазы, столы, стулья... лестница ведет вверх.

Рассуждаю. Где могут храниться ценности? В спальне хозяйки. Я не знаю, спят они с хозяином дома вместе или нет, но где хозяйка, там и ее драгоценности. Хозяин знает, где лежат деньги. Итак, ищу хозяина, он говорит, где хранит деньги, – я ухожу. Или не ухожу, если он заорет. А вдруг? Неужто решусь его убить? Да. Если придется, да. А чем тогда я отличаюсь от бандитов, которых сам же убивал? Ничем. Долой морализаторство – мне нужны деньги, и я их возьму.

Поднимаюсь по лестнице... вдруг – какое-то нехорошее чувство: как будто красный всполох впереди, посреди паркетного пола – красное сияние в виде круга на полу. Магическая ловушка? Скорее всего, да. Осторожно обхожу ее по стенке, едва не касаясь границы. Я не хочу знать, что она делает, – вряд ли подарит мне ласки гурии – и двигаюсь дальше. Еще ловушка – зеленое свечение, – обошел. Коридор завернул налево – стоп! Посмотрел вниз: как будто лазерные лучи выходят из одной стены и входят в противоположную. Осторожно перешагнул их, как проволоку растяжки – кстати, похоже, – и дальше... дальше...

Коридор вывел к двум высоким дверям. Вероятно, спальня хозяйки и спальня хозяина. В какую войти? Правая? Левая? Правая? Левая? Правая! Потянул дверь, она без скрипа, тихо, как по смазанным петлям, распахнулась.

Вошел, прикрыл за собой, огляделся. Большая кровать, на ней спит высокий темноволосый мужчина с пухлыми губами на высокомерном полном лице. Тихо подхожу к нему, потом беру полотенце, лежащее возле блестящего тазика для умывания (золоченый, что ли?), брошенный носок... подхожу еще ближе и аккуратно кладу руку ему на сонную артерию, зажимаю ее – человек бьется, пытаюсь освободиться, потом замирает, потеряв сознание. Заталкиваю ему носок в рот, связываю руки сзади так, чтобы не мог ими пошевелить, сажусь на постель и жду. Через несколько минут его глаза открываются, он с ужасом дергается, пытается крикнуть, но крик застревает в кляпе. Его глаза вращаются, тело пытается принять вертикальное положение, но я толкаю его в грудь, и человек падает назад.

– Лежи и не двигайся! Если будешь вести себя правильно, с тобой ничего не случится. Ты понял? Если понял, кивни.

Человек кивнул, все еще с ужасом глядя на меня, – еще бы, перед тем как идти в дом, я вымазал все лицо угольной пылью так, что оно было похоже на маску демона, только глаза блестели в темноте. Шрам и нижнюю половину лица я прикрыл полотенцем – может, и не разглядит в темноте, но кто знает? – на всякий случай. Убивать мне его сильно не хотелось – одно дело взять деньги, которые мне нужнее, чем ему, и вряд ли у него последние, и совсем другое – лишить за них жизни. Если в борьбе с бандитами я был кем-то вроде санитаря леса, прореживая грядки и удаляя сорняки, то тут другой случай.

– Сейчас я сниму с тебя повязку с кляпом, ты получишь возможность говорить, но первый же твой крик будет твоей смертью – ты это понимаешь?

Человек опять кивнул.

– Снимаю. Смотри сюда: клинок у твоего горла. Один крик – и ты труп.

Я развязал полотенце, вынул у него изо рта носок, мужчина глубоко вздохнул:

– Что хотите? Я отдам вам деньги – вы сохраните мне жизнь?

– Клянусь, заберу деньги и ценности и уйду. Вас свяжу – утром слуги развяжут. Будете разумным, не пострадаете. Вы меня хорошо поняли?

– Я вас понял. Отдам. Только вот сможете ли после этого выжить – это вопрос. Вы хоть знаете, к кому залезли? Я канцлер Амассатор! Вы понимаете, что, после того как вы уйдете отсюда с деньгами, вас будет разыскивать вся Тайная стража, все службы империи?

– Вы предлагаете вас убить? Чтобы скрыть следы? – усмехнулся я и посмотрел на лежащего.

Тот поперхнулся и сказал:

– Что за глупости! Я предлагаю вам просто уйти, и тогда, возможно, я забуду о вашем визите! Сейчас вы уйдете, как и пришли, и этот инцидент будет исчерпан.

– Да вы меня за дурака считаете! С деньгами я еще могу выбраться, а вот без денег – нет. Вы все равно будете меня искать, зачем мне тогда уходить пустым? Где деньги и ценности? Не тяните время. Амассатор, если вы не начнете вести себя правильно, я буду очень зол и могу со зла сильно повредить ваше здоровье. Что для вас эти гроши? Еще наворуете!

– Ладно. Я понял. Могу встать?

– Одну минуту, я завяжу вам глаза. Есть – поднимайтесь!

Я завязал ему глаза полотенцем, канцлер встал с моей помощью – руки я все равно оставил связанными – и сделал шаг к двери.

– Сейчас я сниму повязку – не оглядываться, идти только вперед. Оглянетесь – я воткну нож вам в почку. Вы поняли?

– Понял, снимайте. Идите за мной.

Канцлер подошел к двери, дождался, когда я ее открою, и пошел по коридору, смотря только вперед. Подошел к красному свечению на полу и хотел наступить на него – я остановил и толкнул к стене, заставив обойти сбоку.

– Так вы маг? Нужно было догадаться, раз вы прошли амулеты оповещения.

– А что за амулеты?

– Вы не знаете? Странно... Если наступить на них, загорается свет, звенит колокол, бегут слуги и охранники. Ну вот, пришли – мой кабинет. Тайник вот там, за книжной полкой. Надо толкнуть третью книгу на второй полке, и откроется ниша.

Я проделал все, как он сказал, полка развернулась, и моим глазам предстала квадратная ниша с уложенными в ней мешочками.

– Встаньте лицом к стене и не поворачивайтесь – я очень быстро могу воткнуть нож вам в затылок, вы даже чихнуть не успеете, вы это понимаете?

– Чего же не понимать-то, – усмехнулся канцлер. Видно было, что он уже успокоился. – Если бы вы хотели меня убить, лицо бы не прятали. Я не буду стараться посмотреть на вас, не беспокойтесь. Берите деньги и уходите.

Я протянул руку к мешочкам, вдруг... меня что-то остановило – от стенок ниши исходило слабое зеленое свечение. Я подумал и кинул подушечку, снятую с кресла рядом с полкой. Внезапно подушка разорвалась в клочья от невидимого удара – ловушка! Там стояло защитное заклинание.

– Канцлер, ну мне что, убить вас? Какого хрена вы про ловушку не сказали?

– Интересно! Может, мне вас еще в попу расцеловать за то, что вы меня грабите? Попытка не удалась – берите, чего уж теперь. Больше там защиты нет.

Я пошевелил мешочки палкой – правда нет. Потом подумал – завязал глаза и заткнул уши канцлеру, воспользовавшись подушками с остальных кресел и дивана. Мне надоело волочить ногу без помощи палки, а я не хотел, чтобы канцлер знал, что его ограбил хромым, – верный способ попасть на виселицу.

Я разворачивал и смотрел содержимое мешочков – там были золотые монеты. Я их укладывал в котомку, и она стала страшно тяжелой. Часть мешков рассовал по карманам – потяжелел, как грузовик. Попался довольно легкий мешочек, заглянул – неограниченные камни, красненькие какие-то – сунул в карман. Все, больше унести не смогу. Хотя в нише оставалось еще много мешочков, да это бы унести. Подошел к канцлеру ударил его кулаком по голове так, что тот свалился на пол. Связал его ноги. Пришлось для этого сорвать скатерть со стола и разорвать на полосы – вернее, разрезать клинком, очень уж плотная оказалась ткань.

Наконец я справился и пошел в обратный путь. Вокруг все еще было тихо, только где-то далеко что-то звякнуло и загремело – дом начал просыпаться. Скорее, скорее! Я заковылял через двор, рванул дверь угольного сарая и... с трудом уклонился от свистнувшей сабли.

– Вот ты где, сука! Так я и знал, что ты сюда вернешься!

Передо мной стоял охранник, в кольчуге, с саблём в руках, и намеревался снести мне голову во благо хозяина.

– То-то я смотрю, собак нет! Гляжу: дверь сарая приоткрыта – точно, тут лежат! Сдавайся, и, может, тебе сохранят жизнь!

– Знаешь, я уже раньше это слышал, – угрюмо прокомментировал я. – Ответ – нет!

Я взял палку в руки, вырвал стилет и принял бой.

Охранник бился умело, но совсем не так, как Ланкаста – тот бы меня уже зарубил. Я отбивал удары, принимая их на лезвие стилета, одновременно, другой рукой, нанося удары палкой по ногам противника. Он уже дважды вздрогнул и застонал, получив по колену и лодыжке клюшкой, потом я сделал отбив сабли палкой круговым движением и в образовавшийся прогал метнул стилет. Тот воткнулся в грудь охраннику, пробив кольчугу и войдя в самое сердце, – он пошатнулся и упал. Кольчуга не выдержала удара острого, как шило, клинка. Я бессильно опустился на деревянный ящик рядом с кучей угля и перевел дыхание – вот это засада так засада! Чудом выстоял! Чуть бы ему умения побольше, и сообрази он, что я догнать его не смогу, – и кранты. Мне еще и котомка тяжеленная мешала... Хорошо, что он оказался бестолковым, решил сам славы нажить или материального поощрения – вот и лег рядом с трупами собак. Я не хотел его убивать, но если стоит выбор: мне умереть или ему – пусть лучше он. У меня тут хоть какая-то цель появилась, еще пожить хочется... прости, охранник.

Я вынул клинок, обтер о труп и, подняв решетку в углу сарая, стал спускаться вниз. Вверху все было тихо, оставалось дойти до дома. Просто так – взять и дойти, зная, что у выходов может быть по наблюдателю. Ну и что делать? Идти надо. И я пошел...

Глава 4

Напрягшись, я поднял решетку водостока, выглянул, осмотрелся и вылез из колодца, помогая себе палкой. Было темно, и только на горизонте начинало разгораться свечение нового дня. Обе луны уже ушли с неба, и лишь моим странным зрением можно было разглядеть мостовую, стены домов и канавы при дороге. Я выбрал выход подальше от моего дома в расчете, что ближние выходы заблокированы, а дальние могли и пропустить.

Я тихо поковылял по дороге, опираясь на палку, внимательно прислушиваясь и осматриваясь. Первые пятьсот метров дались мне легко, никого не было, никто не шуршал и не сопел мне в спину... но мне все время казалось, что чей-то взгляд сверлит и сверлит мою шею. Это чувство опасности никогда не подводило меня и на Земле – не раз после его появления из «зеленки» летела пуля снайпера или ракета из гранатомета.

За мной определенно следили. Вопрос состоял в том, сколько их было и как они могли замаскироваться, что я их не видел. Я был уверен, что ни один человек не сможет подойти ко мне, чтобы я его не услышал. Но ведь подошли? Когда пришлось «пообщаться» с Якорем, подкрались ведь? Так это был и не человек... Как я понял из разговоров – еще с Катунем, – эльфы обладали способностью невероятно ловко маскироваться и скрадывать добычу. В тот раз ко мне подкрался эльф, но ведь тогда я был не в форме – еще не совсем восстановился после ранений и болезни. Теперь я совсем другой – моя реакция стала прежней, после занятий фехтованием и рукопашным боем, и я был на пике физической формы... для инвалида, конечно.

Оглядевшись, я не увидел ничего подозрительного и пошел дальше, прижимаясь к стенам. Боковым зрением вдруг заметил: воздух как будто колеблется рядом со мной, переливается, ну как над асфальтом в жаркий июльский день, только послабее. Вот есть такое переличатое пятно – и все. А в остальном будто бы ничего не изменилось: дорога стелется под ногами, булыжники, нечистоты, выброшенные на мостовую, – город спит.

Я повернул вправо, к пустырю, подошел к большому камню у стоящей в стороне огромной ветлы, снял с плеч тяжеленный «рюкзак» – хорошо, что я сделал очень крепкую сумку с ляжками, груза в ней не меньше двадцати килограммов – и присел... Растер больную ногу и вытянул ее вперед, полуприкрыв глаза... Мой взгляд под приспущенными веками стал блуждать вправо-влево, и я заметил, что появилось еще одно мерцающее пятно, затем они стали приближаться ко мне с двух сторон. Я был расслаблен, только поправил на коленях свою клюку...

Пятна уже приблизились на расстояние шага... рывок – выпад клинком! Кто-то застонал, пятно замерцало на дороге и что-то забулькало. Бросок стилета – рукоятка как будто зависла над землей, потом опустилась на высоту сантиметров около тридцати и остановилась.

Я прислушался – ничего не было слышно. Подошел к странным пятнам, потрогал рукой – рука уперлась во что-то теплое. Потянул – в руке осталось какое-то одеяние, а под ним труп мужчины, зажавшего живот. Классический удар – в солнечное сплетение. Случайность, конечно, но метил я именно туда: вывел примерный овал и ударил именно туда, куда хотел. Мгновенная смерть. Те-е-ек-с, смотрим второго: стилет в груди – сердце. Молодец, Витька! Не забыл еще умения...

А вот плащики у них интересные. Рассказывал мне Катун про такие: это производства эльфов, и очень, очень дорогие – плащи-хамелеоны. Отводят глаза, принимая цвет того, на что ты смотришь. Эльфийская магия. Это что получается, за мной эльфов, что ли, прислали? Что-то я им сильно насолил... эти плащи стоят целое состояние! Ну я так думаю: может, они их поперли у кого-то. Когда этот плащ надеваешь изнанкой наружу – плащ как плащ, не отличишь от обычных, выворачиваешь назад – и тебя не видно! А мне ведь повезло... мне же рассказывал

Катун, что видеть разведчиков в таких плащах способны только маги. Как я-то умудрился? Я что – маг? Опа-па, опа-па! Мага не видали!

Я рассмеялся своему ребячеству – мне хотелось петь: я маг! – но быстро взял себя в руки и начал обшаривать трупы. Ничего интересного не нашел: несколько монет, какие-то амулеты... и кинжалы в руках. Хотели они меня подрезать, болезные, хотели... только вот инвалид неожиданно шустрым оказался. Не надо недооценивать противника, болваны!

Я с презрением плюнул на трупы, стащил с них плащи, надел на себя котомку с баблом, крикнув от напряжения, и, придерживая лямки – боялся, что оторвутся, – натянул сверху плащи, немного испачканные в крови. Они скрыли меня с головой – теперь я не был замечен. Сверху капюшон, почти полностью закрывающий лицо. Глаза видели сквозь завесу, но не висели в воздухе, как у Чеширского кота, – это я уяснил по своим преследователям. Ужасно довольный очередным приобретением, я отправился домой. Теперь я мог спокойно ходить по улицам, не боясь, что меня заметят.

Кстати, преследователи не были эльфами, это были люди. Я знал, что эльфов в империи мало – их очень недолюбливали после войны с колониями, когда они поддержали отделение колонистов от Ласандии. Единственный эльф, которого я видел, был разведчиком у бандитов. Взятые в виде трофеев плащи доказывали, что торговля с бывшей колонией, Карасом, идет довольно оживленно и, скорее всего, контрабандно.

Теперь дорога домой была приятна, хоть я и устал как собака. Все-таки лазать по тоннелям, тащить на себе полтора пуда золота и убить четверых плюс две собаки – довольно утомительное занятие. Я бы предпочел сейчас ехать на джипе.

Усмехаясь своим же мыслям и активно передвигая конечности, я подошел к дому. Сначала направился в палисадник, снял плащи и котомку, привязал мешок к веревке. Затем, оставив плащи на месте, возле веревки, прошел в огород и стал умыться у колодца, оттирая угольную пыль и кровь. Привел себя в порядок – и снова к плащам. Один, размахнувшись, забросил в комнату, второй надел на себя и поднялся по веревке, а затем втащил в окно и ее, вместе с привязанной к ней тяжелой котомкой.

Деньги считать я не стал, котомку бросил под кровать. Она так брякнула мешочками с золотом, что я даже напугался – Марасу бы не разбудить. Раздевшись, осмотрел себя, включив магический светильник. На левой руке и на больной ноге были ужасные кровоподтеки от собачьих зубов. Еще бы немного, и они перекусили бы кости. Конечности ужасно болели, я подумал: может, что-то болеутоляющее найти? Сейчас бы коньяку хлопнуть стакан... руки и ноги трясло от напряжения и от нервного возбуждения, которое искало выхода. Хорошо хоть, что завтра я взял выходной – решил два дня подряд отдохнуть от школы. С трудом успокоившись, я заставил себя заснуть.

Утром сквозь сон я услышал чьи-то голоса, наверное, к матушке Марасе пришли за настойкой или мазью. Она получала за свои услуги действительно немного. Я подозревал, что ее клиенты не такие уж нищие, но вечно плакались и давали ей сущие гроши. Она, по доброте своей, не обижалась и объясняла мне, что одной соседке трудно, она детей тащит, другая никак мужа-пьяницу не приструнит, который ей ни житья, ни денег не дает, а третий сосед еще мужа ее знал – как с ним говорить об оплате, да и денег у него нет...

Посетители долго сидели, тетушка гремела посудой – видно, чай пили, потом шум затих – скорее всего, гости ушли. Я, скрипя сочленениями, как заржавленный траншейный экскаватор, встал с постели и потащился вниз.

– Привет, тетушка! Как спалось? – Я плюхнулся на стул за кухонным столом и пододвинул к себе чистую глиняную чашку для чая.

– Ой, так спалось! Приснился муж, да такой молодой, улыбается, что-то сказать хочет! – Тетушка забежала по кухне, собирая мне завтрак. – И ведь не пойму, чего сказать-то хочет!

Машет мне, машет! Манит меня! – Потом погрузилась: – Умру я, наверно, скоро... Вот и он говорит мне: «Скоро встретимся».

– Да ну вы чего, перестаньте! Вам еще жить да жить! – Я не на шутку расстроился, представив, что она померла. Почему-то часто хорошие, добрые люди умирают рано, как будто они нужны где-то в другом месте. А вот подонки живут весело и счастливо. Я не знаю, почему так... иногда это наводит грусть.

– Ну, не будем о плохом. Я щас тебе чего расскажу!

Я насторожился:

– И чего такого? У тетушки Сараны появилось два любовника-курсанта? Мясник раздал все свое мясо неимущим и пошел побираться? Чего там такого прям интересного?

– Да ну тебя! – стала смеяться Мараса. – Сарана... уу-ха-ха-ха... надо ей рассказать! Ну, шутник!

– Тетушка, не вздумайте! Она мне в чашку плюнет на кухне в школе! – засмеялся я и отпил чаю.

– Ой, я не могу... в чашку плюнет! А она может! Ух-ха-ха-ха... – Мараса отсмеялась и продолжила: – Нет, тут в городе такое творится! Говорят, канцлера-казначей обокрали, ночью к нему кто-то вломился, и денег вынесли – ну немерено! Просто немерено! Напугали его, убили собак, охранника! Теперь весь город на ушах! Ищут какого-то черного. Говорят, вроде как откуда-то с островов, черный совсем. Всех на базаре допрашивают, чего видели. Что будет-то! Если уж на канцлера напали, а нам тогда чего ожидать? Сказали, сам император дал задание искать грабителя. Это же надо додуматься – напасть на второе лицо в государстве!

– И правда, это додуматься надо было, – кисло подтвердил я. – Как думаете, найдут?

– Да ну, наши-то стражники? Они только девок на базаре щупать горазды да мзду собирать с честных торговцев. Хотя знаешь, есть у императора тайная служба – там и маги, там и стражники особые. Даже, говорят, эльфы есть и гномы. Эльфы лучшие следопыты, а гномы – у них своя магия, они под землей хорошо лазают. Одно слово – гномы.

– Тетушка, при чем тут лазить под землей-то? Гномы-то зачем?

– Хм... ну как зачем – грабитель-то из тоннелей вылез. Тут какая штука: объявлять всем не объявляли, но слуги-то не молчат, у всех языки есть. Быстро все разбалтывают. Так вот, он из-под земли вылез, напал на канцлера и ушел. Вот такие дела.

– А еще что-то рассказывали про это? Мне тоже интересно стало, сколько он там унес?

– Говорят, очень много – только на лошади увезти!

– А как так – только на лошади, а он унес на себе?

– Ну, не знаю. Вот что сказали, то и передаю. Много унес – казенные деньги, говорят. Канцлер у себя хранил, подати, а он унес. Теперь вся стража искать будет. Только ведь не найдут...

Мараса еще долго рассуждала о глупых и мздолюбивых стражниках, о сокровищах, изъятых у канцлера, а я сидел и думал: «Угораздило же меня вляпаться! Этот сучонок списал под грабеж минимум раз в пять больше, чем я взял, а все ведь повесят на меня! Канцлер не в убытке, а в прибыли, а ищут... хм... ищут-то они хорошо – негра какого-то!»

Я усмехнулся про себя и отправился к себе в комнату под бормотание Марасы. Впрочем, скоро она подхватила и понеслась на базар делиться новостью со знакомыми торговками и обсуждать это горячее дельце, я же вытащил сумку с деньгами и стал пересчитывать. После долгих пересчетов оказалось, что у меня пять тысяч четыреста золотых. Огромная сумма, но недостаточная. Если прибавить отложенные тысячу сто золотых, будет шесть тысяч пятисот. Надо еще три тысячи пятисот. Только вот как их получить – неизвестно. Теперь соваться куда-либо было опасно. И хранить их – тоже опасно. Не дай бог тетушка Мараса нос сунет... Я пошарил по карманам и достал еще мешочек с красными окатанными камешками. Достал один – он

был с сантиметр в диаметре, – я посмотрел его на свет, бросил обратно в мешочек и спрятал под половицу.

Немного полежав в восхитительном безделье – а что, сытый, чистый, на чистой постели и под крышей, чем не жизнь? – я решил сходить в город и посмотреть на мир. Просто посмотреть, а не выжимать из этого мира денег на существование. Могу же я себе позволить посидеть в трактире *просто так*. И еще – в связи с укреплением здоровья у меня проснулись кое-какие желания... Я решил посмотреть, как тут обстоит дело с бабами.

Надев приличный костюм (не новый, но вполне пристойный), легкую куртку, суконные штаны (не от скупщика краденого), ботинки, вполне добротные, я спустился вниз.

– Что, неужто на прогулку собрался? – Тетушка Мараса с удовлетворением осмотрела мой парадно-выгребной лапсердак. – Давно пора! А то уже мои соседки поговаривают: жилец твой какой-то ненормальный – не выпивает, женщин не водит, может, вообще только мальчиков любит? Ты мальчиков не любишь случайно? – Мараса стеснительно захихикала.

– Матушка, ну что вы такую гадость говорите, – рассердился я, – если не вожу баб, так, значит, сразу мужеложец, что ли? Тьфу на вас! Может, я о вашем покое беспокоюсь!

– Ну, извини... я о тебе забочусь! Ну кто еще о тебе позаботится? – Я в свое время сказал ей, что родители у меня умерли от чумы. – Не гоже без женщины – тебе уже тридцать лет. В это время у людей по пять детишек бегают! А ты все один и один.

– Тетушка, ну кому я нужен? Хромой, убогий? Вы смеетесь над уродом? Вам должно быть стыдно...

Мараса уперла руки в бока и грозно закричала:

– Это мне-то стыдно! Это тебе должно быть стыдно! Не меньше двух девушек, мне известных, сохнут по тебе! Соседки Арании дочка Маруфа глаза проглядела – все время подглядывает, как ты моешься! Соседки Карамы дочка Ленетта все в окно выглядывает, как ты на работу идешь – а ты не замечаешь?! Правда, что ли, не замечаешь? – тихо спросила Мараса. – Ты красивый парень, руки мужицкие, высоченный, глаза голубые, да ты просто смерть девкам – даром что хромой! А что с твоей хромоты-то? У тебя хорошая работа, не всякого Ланкаста учителем возьмет, перед тобой благородные люди скачут как зайцы, а ты говоришь, кому ты нужен? Сынок, почему ты так плохо о себе думаешь? Ты уперся в свою ногу, как будто на ней свет клином сошелся! И без ног люди живут! Перестань себя жалеть и начни жить. Ты же весь мир от себя отбросил, весь мир забыл!

– Вы правы, тетушка, – с горечью признал я, – одно время я заливал боль и горе вином, потом... потом просто отбросил от себя весь мир. Хочу стать здоровым, но не могу. Это меня убивает. Мне кажется, что весь мир на меня смотрит – жалеет или издевается, и мне от этого горько. Я ходил к лицензированному лекарю, так он сказал, что мне надо десять тысяч золотых, чтобы вылечиться полностью, восстановить ногу. Где взять эти десять тысяч? Вот то-то же...

– Да, это очень дорого.

Тетушка Мараса задумалась и сказала:

– Знаешь что, есть у меня один человек, звать его Амалон. Ему уже много лет. Он старше меня. Может, ему лет семьдесят, может, и больше. Когда-то он был лекарем в императорском дворце, но его оттуда выгнали, чуть не казнили – обвинили в отравлении императорского сына. Говорят, тот баловался веселящими грибами, а обвинили лекаря. Ну, чтобы лицо не потерять... как так принц – и балуется наркотиками. Стыдно. В общем, когда он помер, принц-то, лекаря обвинили, что дал неверное лекарство, и выгнали. Суд был, ему заменили смертную казнь на сорок плетей, так он чуть не умер, как-то его выходили... Ну я выходила, что скрывать. Никому только не говори... он, в общем-то, государственный преступник. Теперь он живет на островке в сорока милях от города, в море, там небольшой поселок, он потихоньку лечит односельчан, они его подкармливают. Вернуться в столицу под угрозой казни он не может.

А он сильный лекарь, сильный маг. Он сможет вылечить твою ногу, если я попрошу его. А я попрошу. Я не знаю, какие нужны ингредиенты для лечения, меня не учили, но он скажет тебе.

– Ну вот, мы плавно перешли от женщин к лечению, – усмехнулся я, – спасибо, тетушка. Конечно, попробую к нему обратиться. Только он так далеко живет – как туда добираться-то?

– Да ну как? Идешь в порт и спрашиваешь, какая шхуна туда идет. Они время от времени возят туда продукты – так ты и доплывешь. За день-то и обернешься – чего там, сорок миль – ерунда. Четыре часа туда, четыре обратно. Иди сходи в порт, поспрашивай, как и что. Что-то мне не верится, будто лечение должно стоить так дорого, накручивают, собаки! Давай шагай в порт и... не забывай о безопасности, а? С тамошними женщинами поосторожнее – больных много. Если что, посмотри на нее, как я тебя учила на травку смотреть: болеет – не болеет, и ты увидишь. Это несложно.

– Да ну вас, тетушка, – засмеялся я, – ну все расписали. Лучше бы соседских девушек тогда привели, все интереснее.

– А надо? Я приведу!

– Все, все, ухажу! Как остров-то называется? – спохватился я.

– Остров-то? Остров Ранкель.

Через час я стоял в порту, обвеваемый морским ветром, вдыхал запах водорослей, тухлой рыбы, йода, и слушал крики докеров, которые разгружали пузатый купеческий корабль, с грохотом и матом катя бочки по сходням. Подойдя к наблюдающему за разгрузкой человеку, пузатому моряку с косынкой на голове, я спросил:

– Где мне найти шхуну до Ранкеля?

– А что ты там забыл? Хм... впрочем, какое мое дело! Иди во-о-он на тот причал. Там есть один чудак, у него шхуна «Огненный глаз». Он туда частенько летает. Именно летает – шхуна быстрая. А уж как с ним договоритесь – это ваше дело. Вали, не мешай, а то сейчас эти прохиндеи обязательно бочку сопрут. Эй ты, болван, ты куда покати! Ах вы, ослы чумные! Только отвлечешься – сразу попрете! Кати направо!

Человек сразу забыл про меня, а я поплелся к «Огненному глазу». Шхуна была небольшая, но какая-то стремительная, с узким корпусом. «Наверное, всю душу вывернет на волнах, – подумал я, – качка на ней будет ай-ай!»

Сразу стало понятно, почему она называется «Огненный глаз»: на бортах, возле носовой части, на ней были нарисованы огромные огненно-красные глаза. Впрочем, если быть точным, на одном борту. Другой борт я не видел по причине того, что шхуна стояла левым бортом к причалу. Кто знает, может, на той стороне не красный, а синий глаз или вообще нет глаза.

Возле шхуны стоял и курил трубку забавный персонаж, даже для этого места казавшийся слишком экзотичным. Небольшого роста, с огромными висячими усами, в алых шелковых шароварах и синей шелковой же рубаше – он был похож на огромную елочную игрушку. Мне он был ростом до груди, но смотрел так, как будто я был ниже его на две головы.

– Приветствую вас. Вы не могли бы мне сказать, не вы ли капитан этого корабля? – Я постарался поизысканнее обратиться к этому красочному персонажу.

– Ну я, – посасывая трубку, ответил этот Санчо Панса местного разлива необычайно любезно. – Че надо-то? Сразу говорю – грибов нет! Вали отсюда, ищейка!

– Грибов? Каких грибов? Мне надо на остров Ранкель попасть, каких грибов?

– А-а-а... – успокоился капитан, – я уж подумал, опять имперские ищейки ползают – одолели меня своими наездами! Все у меня грибы ищут, как будто я их вожу! Да контрабанду шарят, ищут! А я честный капитан и слово-то такое «контрабанда» не знаю! Сволочи, лягаши хреновы! – Он хитро блеснул глазами и посмотрел на меня – достаточно ли он навел на меня дымовую завесу.

– Капитан, капитан, что это у вас такое? Что?! Вот, над головой! А-а-а... святой капитан! Можно, я прикоснусь к вашей святой мантии? У вас нимб над головой светится!

Капитан, купившийся вначале на мои выкрики, стал искать что-то над головой, наконец понял и начал ржать, держась за живот:

– Ох-хо-хо-хо! От ты подлец! А я-то купился! Хе-хе-хе... ты мне нравишься, парень. Чего тебя на остров-то несет?

– Мне надо привет передать одному островитянину.

– Ну, передай. Я передам. В чем дело-то стало? – Он невозмутимо пососал трубку и поглядел на меня: – Что за островитянин-то?

– Амалон. Знаете такого?

– Еще бы не знать... только рискуешь ты. Он государственный изменник, а тот, кто общается с государственными изменниками, может попасть под немилость Тайной стражи, ты это понимаешь?

– Переживу как-нибудь. Немилость эту. Так к делу: вы можете меня взять с собой, когда поедете к острову?

– Не поедем, а пойдем! Сухопутная крыса, – усмехнулся капитан. – Могу. Стоить это будет тебе... – он посмотрел на мой затрапезный вид, потертые ботинки, – пятнадцать серебряников.

– Но мне надо сразу будет назад уплыть – обратно сколько?

– Ну, обратно все равно возвращаться – еще пять. Итого один золотой. Устроит?

– Устроит. Когда вы выходите, чтобы мне подгадать свои дела?

– Через три дня. Приходи через два часа после рассвета на причал – пойдем в рейс. И еще, парень, не распространяйся, что ты к Амалону пойдешь, понял? Ни тебе, ни мне лишние проблемы не нужны. Тебя как звать? Я капитан Мессер.

– Я Викор.

– Викор? Это не тот ли, что преподает в школе фехтования Ланкасты? Слышал, слышал про тебя. Как-то на днях про тебя шла речь. Двое благородных говорили – я их отвозил в загородный дом, туда морем ближе и быстрее.

– И что они, сильно ругали? – улыбнулся я.

– Да нет, спорили. Один говорил, что ты учишь их детей грязным приемам, которые в ходу у уличных бандитов да грязных желтых айтанцев, что это неблагородно, а другой ему возразил: мол, лучше их дети будут пинаться и кусаться, зато останутся живы... и второй сразу заткнулся. Вот я и заинтересовался, что это за Викор такой. В общем, жду тебя через три дня, не включая этот, значит, через три, на четвертый, – уточнил Мессер, – через два часа после рассвета. Все, топай, я думаю думать буду. – Он затянулся трубкой и попытлся ею, как паровоз, усмехнувшись в усы.

Я прошел вдоль причалов, мимо муравьиной кучи грузчиков с их бочками и тюками, мимо складов с важными охранниками и суесящимися купцами и вышел на мощенную булыжником улицу, ведущую вверх, в центр города. Мне надо было посетить оружейника, а они жили и работали почти что на другом конце города. Идти было тяжело, я подумал-подумал и подозвал извозчика, скупающего у порта:

– Братец, сколько возьмешь доехать до оружейника – мне нужен поприличней какой-нибудь.

– Эх, с ветерком! Новая коляска, только помыл – пять серебряников! Садитесь, дешево домчу!

– Слышь, чудака, а в дороге ты мне будешь петь песни и плясать в голом виде завлекательные танцы? Нет? Так какого же хрена ты берешь в два с половиной раза больше, чем стоит эта поездка? Серебряник дам, не больше.

– Без ножа режете. Глядите – лак какой! А лошадку кормить? А колеса ремонтировать и подковы на лошадку ставить?! Три серебряника!

– Полтора. Я не собираюсь кормить три лошадки.

– Два, и по рукам! Раз уж цену знаете...

Я взгромоздился в повозку, и скоро она уже гроыхала по длинной улице. Мне особенно-то и не жалко было этих серебряников – денег у меня хватало, но, во-первых, меня забавлял сам процесс торговли, а во-вторых, не стоило показывать себя слишком богатым – при моей внешности нельзя раскидываться деньгами. Могут неправильно понять... и отследить.

Передо мной возникла вывеска с мечами крест-накрест, и я понял – это тот самый оружейник, о котором говорил извозчик. Я вылез из пролетки:

– Уважаемый, если тут постоишь, я, скорее всего, найму тебя еще раз!

– Сделаем! Стою и жду, господин.

Войдя в лавку оружейника, я сразу обратил внимание на развешанные везде мечи разных конструкций и разного калибра – изукрашенные, простые, причудливые, восточно-вычурные и грубые, – на любой вкус. Но мне нужны были не они...

– Приветствую вас, господин! Хотите выбрать себе меч?

Я похлопал ресницами. Нелюдей в городе было мало, их недолюбливали, а потому гном своим видом как-то выбил меня из колеи. Пока я соображал, он внимательно смотрел на меня, вероятно, оценивая на предмет покупательской способности и толщины кошелька. Увиденное его не вдохновило:

– Вот есть хорошие мечи, совсем недорогие! По пять золотых за штуку, не хуже, чем армейские. Посмотрите?

– Уважаемый оружейник, мне надо нечто другое. Я не знаю, сумеете ли вы мне помочь, хочу проконсультироваться.

В глазах гнома проснулся интерес:

– А что именно? Какое оружие вас интересует?

Его огромная борода как будто встала дыбом от предвкушения разговора. Я уже слышал, что гномы всегда были лучшими оружейниками. Самые качественные луки делали эльфы, но мечи – всегда гномы. Вся их магия была связана с землей, и в своих изделиях они применяли магические умения.

– Мне нужен меч скрытого ношения. И не такие железки, что вы мне показывали, а настоящий меч, с узором по стали. Вы умеете такие делать?

– Как у вас язык-то повернулся сказать такое?! Мы – умеем ли? – обиделся гном. – Да лучше нас никто не умеет делать мечи!

– Не обижайтесь, уважаемый, но после тех бросовых железок, что вы мне показали, как-то я засомневался, есть ли у вас что-то серьезное. Уж извините...

Гном сконфузился и примирительно пояснил:

– Да это простые клинки для солдат... я ведь не знал, что вам нужно самое лучшее. Итак, что вам надо конкретно?

Я сделал два шага, поискал глазами, куда присесть, и уселся на табуретку у прилавка, протянув гному свою палку:

– Вот такое мне нужно.

Гном недоуменно взял мою клюку, потом его лицо просветлело, и он дернул рукоять, оставив в руках клинок и его ножны.

– Хорошая работа. Но мы лучше умеем. Так, я понял, что вам надо. Еще обрисуйте пожелания.

– Клинок длиной метр – метр двадцать, лучше метр двадцать. Рукоять должна быть немного другой, чтобы было удобно работать как мечом, сталь самая-самая лучшая, какая бывает. Лезвие узкое. Ножны – из очень крепкого дерева, чтобы могли в случае чего принять на себя удар кинжала или легкого меча. Но чтобы все это выглядело как обычная палка – не помечная, но и не вызывающе дорогая. Сколько это будет стоить?

– Я сразу хочу предупредить: у мастера Бартана торговаться не принято. Я – мастер Бартан. Ваш заказ специальный, поэтому расценки будут выше. Это будет стоить... двести пятьдесят золотых. – Гном внимательно посмотрел на меня, ожидая что-то вроде: «Да вы охренели! Да откуда такие деньги! Вы что, с ума сошли?» – и был разочарован, когда я равнодушно отреагировал на его заявление.

– Двести пятьдесят так двести пятьдесят. Сроки изготовления? Я бы хотел получить... вчера.

– Хе-хе... вы деловой человек... Но не так все быстро. Надо найти нужный клинок – есть у меня кое-что на примете, – сделать ножны, так, как вы хотели, все подготовить... Скажем, два дня вас устроит?

Я посчитал – как раз хватит времени до выхода в море.

– Да, устроит. Сколько задатка?

– Пятьдесят золотых вполне хватит. Еще что-то будете брать? Хорошие ножи есть, кинжалы, шпаги.

– Ножи? Да. Мне нужно штук пять метательных ножей на перевязи для скрытого ношения. И еще пару ножей отдельно. Сколько будут стоить?

– Ножи – не самая лучшая сталь, но вполне приличная, по золотому за штуку. Вам как оптовому покупателю за все – шесть золотых.

Он вывалил передо мной груды метательных ножей разной формы и расцветки. Там были и кривые клинки с короткой рукояткой, и похожие на рыбок, и каких только не было – я выбрал себе семь ножей с длиной лезвия чуть больше ладони, сходящиеся к острию под конус, острые как иглы. Мешочек с золотыми перекинул к оружейнику, как и шесть золотых, которые я достал из пояса. Сняв куртку, я надел на себя перевязь с ножами, которая уютно устроилась у меня на животе и груди, наискосок. Я попробовал, как выходят ножи: выдергивались свободно, в ячейках сидели плотно, – не вывалятся.

– Может, хотите попробовать баланс ножей? – предложил гном. – Можете покидать их вон в ту мишень. – Он указал на деревянную круглую мишень в углу лавки.

Я сунул руку за полу куртки, резко выхватил нож и метнул его в центр мишени – он глубоко и уверенно вошел в середину и замер там, вибрируя от удара.

– Хорошие ножи. Я удовлетворен. Теперь я прощаюсь с вами, господин Бартан, до вечера послезавтра. Надеюсь, вы не подведете. – Я сгреб оставшиеся два ножа в карман и направился к двери под внимательным взглядом оружейника.

Извозчик дождался на улице, недалеко от входа, и скоро пролетка с грохотом понесла меня по мостовой – я решил посетить центр города, посидеть в хорошем трактире, посмотреть на народ... и, чего греха таить, подцепить женщину. Правду говорила тетушка, я совсем уже одичал, и женщины у меня не было очень давно. Очень.

Вышел я у привлекательного на вид заведения, из которого доносились на улицу звуки музыки, довольные крики «Браво!» и хлопанье ладош. Войдя в зал, я поискал глазами свободное место и нашел такое возле окна – как раз в это время оттуда вышибалы выводили пьяного клиента, который ругался и требовал продолжения банкета. Банкет ему продолжить не дали – кому нужен клиент, который спит на столике и ничего не заказывает, так что к моему вящему удовольствию я уселся вполне «козырно»: и вход видно, и сцену, и из окна вид хороший на улицу и проходящих мимо людей.

На небольшой импровизированной сцене разыгрывались целые спектакли. Там выступал фокусник с небольшой черненькой девушкой: он то засовывал ее в ящик, а она исчезала и появлялась в другом месте, то делал фокусы с исчезновениями предметов, – в общем, стандартный набор средней руки мелкого иллюзиониста. Впрочем, от земных фокусников у него было отличие: я с удивлением заметил, что могу видеть, как девушка перемещается по залу, – он отводил глаза зрителям заклинанием, и она переходила туда, откуда потом «выскакивала» с

помощью волшебства. И волшебство то было натуральным – никакой ловкости руки и мошенничества – фокусник оказался магом.

Интересно, что его заставило пойти на эстраду, вместо того чтобы... а вместо чего? Ну вот, к примеру, маг – лечить он не умеет, пускать огненные шары и управлять стихиями тоже, – что ему остается? Я усмехнулся: мы все привыкли представлять себе магов всемогущими и великими, а этот – просто фокусник. И все.

– Что будете заказывать? – От размышлений меня отвлекла официантка, миловидная девушка в кружевном передничке.

– Кружку пива, светлого, и... что у вас из мяса есть – острое и с пряностями?

Она наклонилась к моему уху:

– Никогда не заказывайте в трактирах мясо с пряностями – под пряностями тухлое мясо прячут, чтобы не учуяли клиенты!

Я посмотрел в ее смеющиеся глаза, и у меня как мороз по коже прошел – теплое чистое дыхание молодой здоровой женщины, запах мыла и острых приправ от ее одежды – кровь забурлила и прилила... хм-м-м... куда надо. Я даже опешил: неужели я, как мальчишка, способен так волноваться и краснеть от близости женщины?

– А что же мне заказать, милая? – неожиданно выскочило у меня, и я смутился еще больше.

– Милая? – Она засмеялась, как колокольчик зазвенел. – Закажите себе пирогов с олеиной и пирогов с черникой – не ошибетесь. А мне понравилось, как вы меня назвали.

Улыбка сделала ее прелестной – ямочки на щеках, высокая грудь, стройные ноги, угадывающиеся под длинной до пола юбкой, – я просто был в восторге от нее... Или просто у меня не было давно женщины?

Сзади кто-то грубо окрикнул:

– Карсана! Чего ты там разболталась! Быстро иди отнеси на второй столик заказ! – Высокий здоровенный парень в поварском колпаке с неодобрением смотрел на меня, шлепая толстыми губами.

– Извините, – погрузилась Карсана, – надо работать.

– А до скольких вы работаете? Может, я провожу домой?

– Сегодня я до полуночи... но не стоит провожать, а то еще греха наживете... – И она оглянулась на здоровенного помощника повара.

– Что, клеится, да? – понимающе спросил я, показав глазами на здоровяка.

– Клеится... да ну, это мои проблемы. Сейчас я вам принесу заказ, подождите немного. – Девушка пошла на кухню, и было видно, как она угрюмо выслушивает то, что ей говорит помощник повара.

Скоро она принесла мне мой заказ, улыбнувшись и весело подмигнув, потом заметила мою палку и больную ногу, вытянутую под столом, и нахмурилась:

– На войне, да?

– На войне... – чистосердечно признался я.

– У меня отец на войне погиб... когда поход был на Аранию... я его помню. Он меня на плече катал. Только помню, что большой, волосы с проседью... Вот как вы. Вы не подумайте, я не шлюха, вроде как пристаю к вам, просто вы чем-то напомнили мне его, вот я и разговорила. Смотрю – сидите, такой весь потерянный, грустный, жалко стало.

– Карсана! Ты, чертова девка, когда-нибудь будешь работать как следует?!

– Вот достал, гад! Пойду я... Если хотите, дождитесь и проводите меня до дома. Только я далеко живу, дойдете?

– Дойду, – усмехнулся я и кивнул ей.

Девушка быстро пошла к раздаче, до меня донеслись обрывки ругательств и злобные взгляды этого повара в мою сторону. Подумалось: «А оно мне надо? Ведь я знаю, что дальше

последует. И что? Мне не жить теперь? От всех неприятностей не убережешься, а девушка-то милая».

Я еще долго сидел, попивая пиво (заказал еще пару кружек), пиво было легкое, да я давно уже от него не пьянел – чтобы напиться, мне надо было что-то покрепче и много. Я сам удивлялся: видимо, пиво быстро разлагалось в организме и не успевало меня сразить зеленым змием. Крепкое спиртное я не брал – все-таки страшно, вдруг сорвусь...

К полуночи зал еще больше наполнился, хотя время было позднее. Я заметил, как засоби-ралась Карсана, объясняя что-то вышедшему главному повару – грузному пожилому мужчине с висячими седыми усами. Тот кивнул, она улыбнулась и пошла в глубь трактира, наверное, переодеваться. Я подозвал одну из оставшихся официанток, высокую женщину средних лет с одутловатым, каким-то рыбьим лицом, наскоро расплатился, взял сдачу и вышел на улицу.

Там было свежо, пахло цветами с клумбы и ночной сыростью. Запах цветов пробудил во мне детские воспоминания – так пахли ночные фиалки возле бабушкиного дома. Дверь трактира скрипнула, и из нее вышла Карсана в легкой накидке поверх длинного платья.

– Ну что, пошли? Вас как звать?

– Викор. Только давай на «ты», ладно? Я же не старик какой-то, чтобы ты меня на «вы» звала.

– Хорошо, Викор. Только какой же ты старик – ты совсем не старик, красавец-мужчина. Если бы не твоя нога... а ты как вообще получил раны, расскажешь?

– Карсан, я не буду рассказывать о войне. Я не люблю ее вспоминать. Давай лучше о чем-нибудь другом?

– Ну давай... вот все вы так, кто на войне был, начнешь расспрашивать – ничего не рассказываете. А о чем говорить?

– Ну, например, о тебе, как ты оказалась тут в трактире... Чего к тебе вяжется этот толстогубий парень, чего ему от тебя надо?

– Как чего – чего и всем мужикам, – хихикнула Карсана. – Только он противный и от него пахнет тухлятиной какой-то... Целоваться лезет, а сам потный такой, пыхтит, как бык... фу, противно. Говорит, уволю, если со мной спать не будешь.

– А ты чего?

– А что я? Не сплю! – хихикнула девушка. – Ну и уволюсь. Я что, должна под этого уроды ложиться, раз мне работа нужна? Мамка только ругаться будет, когда уволят...

– Ну а ты и Расскажи ей про этого уроды.

– Да ну что ты, она скажет, что я сама задом вертела, вот он и привязался. И вообще она меня все сбуть мечтает, мужа ищет повыгоднее. Эти войны на границе уже столько парней унесли – на всех девушек не хватает. Может, я и совсем замуж не выйду... – Она взяла меня под руку, а я старался идти поровней, чтобы не сильно загребать больной ногой.

Мы уже шли минут двадцать, болтая о всякой всячине, – давно я не ходил просто так с девушкой, провожая ее до дома. Как-то даже отступили этикие потребительские мысли о том, как бы затащить ее в постель. Мне было просто хорошо рядом с этим светлым и безалаберным существом...

Внезапно Карсана прижалась к моему боку, судорожно стиснув руку:

– Там какие-то мужики стоят! Мне рассказывали, последнее время развлекаются молодые дворяне: ходят по улицам и насилюют женщин. Кто больше изнасиловал, тот и в почете! Викор, я боюсь!

– Не паникуй! Может, еще и обойдется.

Не обошлось. Я заметил, как группа из пяти человек двинулась к нам, освещенная светом двух лун – красной и голубой. Их лица в призрачном свете казались странного, серо-фиолетового цвета.

– Эй, хромой, оставляй свою девчонку и уходи. Благородные господа желают с ней позаваться!

Я тихо шепнул застывшей в ужасе девушке:

– Зайди за мою спину, меня руками не трогай, не мешай. Все будет хорошо!

– Парни, уходите. Я не хочу причинять вам вреда, и, если вы уйдете, ничего не случится, – попытался я воззвать к их разуму. – Мы уходим.

– Куда вы уходите! Оставь девку, урод, иначе сейчас палок отведаешь! – Один из молодых мажоров выдвинулся вперед. – Считаю до трех, потом получишь по глупой холопской башке!

– Самир, я знаю этого уroda! Его бить надо! Он напал на меня на пляже и сломал мне челюсть! Бей его!

Я уклонился от удара палкой и коротким выпадом трости стукнул нападавшего в солнечное сплетение – тот сразу обмяк и выключился, – нокаут. На мостовой лежал Эдурад, которого я вырубил несколько месяцев назад.

– Парни, может, достаточно, и разойдемся? – опять предложил я, зорко следя за перемещениями группы.

– Разойдемся?! Да мы теперь тебя размажем, урод хромой! – Предводитель сделал шаг вперед... и свалился, зажав пах руками.

На меня набросились сразу трое – одного я остановил хлопком по кадыку, второй получил крепкий удар в печень и выключился, третий с глубоким нокаутом от точного удара в подбородок осел на своих неудачливых напарников.

– Пошли быстро отсюда! Пока никто не видал! – Я схватил девушку за руку и поволок вперед, размашисто отмеряя шаги своей клюкой.

– Ты их убил? – со смесью страха и уважения спросила девушка.

– Нет, не убил. Нам еще не хватало, чтобы нас половина стражи по городу искала (а про себя подумал: «Да меня и так уже *вся* стража ищет, чего уж там половина-то») – так, наказал немного.

– А ты мог бы их убить? Я знаю, мог бы. Только не стал. Из-за меня?

– Из-за тебя, из-за кого еще-то, – усмехнулся я.

– Ух ты, здорово! А мы пришли уже... вот мой дом. – Она показала на небольшой домик под раскидистой ветлой на тихой окраинной улице. Мы постояли, как будто решаясь на что-то, потом она закинула мне свои руки на шею, потянулась и поцеловала в губы. Поцелуй затягивался, мы никак не могли оторваться друг от друга, потом она решила: – Пошли со мной! Только тихо – а то мамка вскочит!

Мы прошли через садик в темный сарайчик, где стояла старая кровать.

– Я тут иногда летом сплю, когда жарко, тут ветерок обдувает... иди ко мне! – Она прижалась ко мне всем телом, потом отстранилась и лихорадочно расстегнула верхние пуговицы на своем платье, затем совсем его сняла и отбросила в сторону: – Иди скорее сюда!

Я возвращался домой усталым, но довольным. Я хорошо провел этот день, а особенно вечер... и даже никого не убил при этом.

Карсана оказалась уже не девушкой, а в сексе – довольно изобретательной и страстной, – в общем-то, именно то, что я и искал. Ей было девятнадцать лет, хотя иногда казалось, по ее рассуждениям, что ей гораздо больше... а иногда – гораздо меньше. Я не могу назвать это любовью, но мне с ней было очень хорошо и легко.

Домой я притащился уже под утро, усталый как собака – извозчика я поймать не сумел, даже самые жадные и работающие из них давно разъехались по домам. Я постучался в запертую дверь дома, матушка Мараса долго не открывала, затем вышла – заспанная и встрепанная – посмотрев на мою довольную физиономию, зевнула и сказала со смешком:

– Наконец-то, видать, какую-то девицу нашел, а то как ненормальный запрется и сидит у себя в комнате или скачет с этими молодчиками. Иди ложись скорее спать, завтра рано вставать.

Утром я, невыспавшийся и оттого не сильно добрый, долго гонял курсантов, прививая им науку выносливости. До обеда отрабатывали искусство контратаки: если тебя противник захватил за локоть и удерживает – как разбить ему ребра и выбить глаз. Я все боялся, что увлеченные занятиями курсанты покалечат друг друга, но пока что все обходилось нормально. После обеда меня вызвал к себе Ланкаста:

– Слушай, Викор, сегодня приходили стражники. Они разыскивают кого-то хромого, который уложил пятерых благовоспитанных молодых дворян в центре. Ты ничего не знаешь об этом случае? Ладно, можешь не отвечать. Хорошо, что ты их не убил... хотя им и стоило бы выпустить кишки. Слышал я об этих новомодных забавах золотой молодежи – ей-ей это закончится кровью, и серьезной. Дворянчики совсем распоясались – или они кого-то убьют, или мужья-братья-женихи им кишки выпустят. И начнется... Я уже бунтов пять... нет, шесть пережил. После этого сразу начинаются строгости, народ пачками хватают – и в тюрьму. Будь осторожнее. Понял? Ты слишком заметен – с твоей ногой и палкой.

– Понял. Я бы их не трогал, но они сами стали приставать. Кстати, насчет ноги: мне надо уехать на один день. Мне лекаря посоветовали дельного, хочу к нему отправиться на консультацию. Можно, я через три дня выходной возьму?

– Да съезди, почему нет. Деньги нужны? Могу дать немного взаймы – отдашь с жалованья.

– Нет, спасибо, пока хватает. Сегодня будем заниматься фехтованием?

– Позанимаемся часок, потом иди отдыхай – ты и так, похоже, ночью пофехтовал кое-чем... – Ланкаста рассмеялся, и мы пошли в зал.

Каждый день я ходил в трактир к Карсане, и после окончания ее работы мы навещали заветный сарай. Больше приключений по дороге не случилось и не по дороге тоже. Если, конечно, забыть про то, что мне пришлось хорошенько двинуть кулаком Карсаниного ухажера, когда тот попытался вызвать меня на разговор в трактире. Повар завел меня на склад позади трактира и, схватив за грудки, заговорил:

– Слышь, ты, урод хромоногий, отвяжись от Карсаны! Это моя баба! Иначе я тебе вторую ногу переломлю!

– Вторую, говоришь?

Я опустил голову и посмотрел на его обутые в мягкие тапки ноги, потом резко ударил пяткой ему по большому пальцу ступни. Мордовороту сразу стало не до меня, он с воем запрыгал на одной ноге, а я резко ударил ему в солнечное сплетение так, что у него брызнули слезы из глаз. Потом его вырвало, а я, стоя над ним, выговаривал:

– Еще раз мне Карсана пожалуется, что ты к ней пристаешь, я приду и убью тебя, но прежде – отрежу тебе уши и яйца! Ты меня хорошо понял? – Я ткнул его клюкой в бок.

– Понял, понял... все, хватит.

Карсана, когда мы лежали с ней в постели, утомленные любовной игрой, удивленно рассказывала:

– Ты знаешь, этого типа, который ко мне приставал, как ножом отрезало – никаких приставаний, никаких щипков за зад! Как подменили! И хромает чего-то...

– Может, его Бог вразумил, и он понял, что нехорошо так вести себя с девушками, – засмеялся я.

– Что-то мне подсказывает, что без тебя тут не обошлось! Ну-ка сознавайся!

Мы завозились в шутилой борьбе, которая, конечно, закончилась бурным сексом.

В последний день перед выходом в море посетил я и оружейника. Мой заказ был уже готов.

Мастер протянул мне трость, чуть толще обычной, из светлого полированного дерева, покрытого лаком. Я внимательно осмотрел ее – маленький набалдашник наверху, под ним – рифленое, узорчатое рукояtie. Трость была слегка изогнута – я потом понял почему: дернув за наверху, достал из нее меч шириной около трех сантиметров, слегка изогнутый и с острым, как шило, жалом. По лезвию меча шли морозные узоры, просматривающиеся на свет. Взяв рукоять, я сделал несколько фехтовальных движений – клинок был идеально сбалансирован, он стоил своих денег. И даже больше. Я снова взял в руки его ножны и стал разглядывать, а мастер сразу сказал:

– Они сделаны из железного дерева – его даже пила берет с трудом, а топор тупится моментально. Могут выдержать удар меча – не гномьего, конечно. Это очень хороший меч – ему много лет, он сделан мастерами гномов. Пришлось под него палку немного изогнуть, чтобы она совпала по форме с ножнами. Ну как, вы довольны?

– Да. Это великолепная работа, я лучшей не видал. Вы настоящие мастера, не зря про вас легенды рассказывают!

– Все врут! Мы лучше! – засмеялся мастер, отмахиваясь, но видно было, что он доволен похвалой.

Я рассчитался за заказ, нанял извозчика и отправился домой. Сегодня я решил не идти к Карсане, главное – дело, а остальное потом. Надо выспаться перед поездкой. Итак, утром мне ехать на остров Ранкель. От предвкушения встречи с магом меня просто трясло. Может, и правда он поможет?

Глава 5

– Давай ешь! Неизвестно, когда еще поесть придется! – Тетушка Мараса, уперев руки в крутые бока, смотрела на меня, как Наполеон на поверженную армию.

Я вяло пытался засунуть в себя кусок лепешки с намазанным на него маслом – вот всю жизнь не мог нормально завтракать по утрам, ну не могу, и все тут! Единственно, что легко влезало в меня ранним утром, – яйца всмятку. Яйцо скользкое, бах! – и проскочило внутрь.

Сегодня мне предстояло увидаться с магом Амалоном, который, если сочтет нужным, поможет мне в лечении ноги. Кстати сказать, лечением назвать это трудно – надо было восстанавливать коленную чашечку, суставные хрящи – на Земле врачи мне объяснили, что хрящи не восстанавливаются никогда, и рассчитывать, что моя нога снова начнет работать как прежде, не приходится. Кроме того, меня мучили страшные боли, и я уже не знал, то ли они были настоящими, то ли фантомными. Возможно, организм как бы запомнил, что моя нога болит, застыл на этом миге ощущения боли и постоянно подавал и подавал мне сигнал: боль, боль, боль...

– Все, тетушка! Не лезет больше! Вы скоро раскормите меня как свинью, и я в двери-то не пролезу! Будете новые двери делать, чтобы такую свинюху протащить...

– Ну прямо... тебе все не впрок – сколько ни ешь, а все такой же, как и был, тощий. Ланкаста там заморил тебя совсем! Я вот уже пойду и выскажу этому демону, чего он мальчишку заморил!

Тетушка встала в позу Ленина на площади Революции и жестами показала, как она пойдет и пр-ризовет злостного начальника школы к ответу.

– Тетушка, не вздумайте, – взаправду взмолился я, – вот еще, позорища не хватало! За меня тетушка хлопочет, разбирается!

– А тогда ешь давай и не позорь меня, а то уже говорят, что я тебя голодом заморила! Слушай, что скажу тебе, – переменяла тему тетушка, – когда найдешь Амалона, скажи ему, что тетушка Мараса просила принять тебя как своего сына. И еще – покажи ему вот эту штучку. – Она достала из кармана халата странный кулончик с инициалами на нем – большая буква «А» с вензелями и росчерками. – Тогда он тебя примет как следует, а то может и послать подальше – его до сих пор отслеживают из Тайной стражи. Поел? Ну, вот видишь, и легче сразу стало, правда же? Легче?

– Легче, – согласился я, отдуваясь и чувствуя себя на десять килограммов тяжелее. Не стоило так нажираться, да тетушка насела, как батальон моджахедов, еле ушел.

Скоро я шагал по булыжной мостовой, обдуваемый слабым утренним ветерком. Несмотря на раннее утро, было уже тепло, день обещал быть жарким. Лето подходило к концу, но, как я уже выяснил, зимы тут практически не было – просто начинался сезон дождей, температура снижалась, и местные говорили, что зима очень тяжкая, холодная. Я смеялся про себя: им бы куда-нибудь в Челябинск или Уфу зимой, да чтобы за стеклом трамвая не было ничего видно из-за намерзшей снежной «шубы»...

К порту я добирался недолго, даже при моей хромой ноге, – идти под уклон было легко и приятно, а дом, где жила тетушка Мараса, располагался на улице вблизи порта. Хотя утро было раннее, но на причалах царило оживление: как обычно, бегали грузчики, разгружающие и загружающие купеческие корабли, пришвартовавшиеся еще на рассвете, у складов царила своя суeta – товары заносились, выносились, – словом, шла обычная портовая жизнь, с криками, матом и муравьиной возней.

«Огненный глаз» был на месте, и капитан Мессер расхаживал возле него как павлин – зеленые, блестящие шаровары, голубая шелковая рубаша, красная косынка на голове, в ухе сияющая крупным камнем серьга – ну персонаж из оперетты, и все тут! Он так вышагивал, что я вспомнил слова из старой сказки «Обыкновенное чудо»: «Я был сияющий, величественный

такой. Знатоки утверждали, что трудно понять, кто держится важнее и достойнее, – я или королевские кошки!»

– Привет, пассажир. Готов? Если готов – давай на борт, сейчас отходим. Сейчас дождусь кое-кого, и в путь. – Мессер выпустил несколько клубов дыма из своей козырной трубки и принялся снова внимательно отслеживать входящих и выходящих на причал людей.

Я медленно и осторожно преодолел узкие, хлипкие даже на вид, прогибающиеся под мной сходни и, облегченно вздохнув, перебрался на борт шхуны. Это судно оставляло ощущение стремительности и скорости даже на первый взгляд – довольно узкий корпус, ширина которого была более чем в три раза меньше, чем длина. Две мачты торчали высоко в небо и, похоже, могли нести большую площадь парусов. Всего в команде шхуны было около десятка человек – они или сустились на палубе, что-то перетаскивая и укрепляя, или сидели на утреннем солнце, покуривая и жмурясь.

К Мессеру быстрыми шагами подошел какой-то человек с бегающими глазами и крысиной мордочкой, что-то сказал и передал пакет. Мессер кивнул, колобком взлетел по трапу на борт судна и неожиданно зычным голосом завопил:

– Все по местам! Паруса к постановке изготовить!

Команда забегала, засуетилась – я отошел к палубной надстройке, чтобы не мешать матросам.

– Поставить бизань! Фока-реи бейдевинд правого галса! Фока-шкот, фока-галс отдать! На брасы, левые! Крепить так брасы! Поставить марселя! Бизань-гик на правую! Отдать швартовы!

Шхуна наполнила поставленные паруса легким утренним ветерком, они надулись, и тихо-тихо двадцатиметровая плавающая конструкция стала отходить от причала.

Скоро мы вышли из акватории порта, и паруса до предела раздул свежий утренний ветер. Команда забегала еще активнее, и на двух мачтах выстроилась громада парусного вооружения шхуны. Она как будто опомнилась и понеслась с огромной скоростью, с шипением рассекая волны, обдавая себя и людей, бегающих по ней, брызгами соленой морской воды. Как ни странно, оказалось, что шхуна была не такой уж и валкой на волнах, скорее всего, у нее был мощный киль – мне даже подумалось, что она больше похожа не на шхуну, а на двухмачтовую яхту, сделанную по специальному заказу. Скорость ее была впечатляющей – она неслась, как быстроходный моторный катер! «Интересно, зачем простой шхуне такая скорость? Может, чтобы убегать от кого-то? – с усмешкой подумал я. – И ведь совсем не занимается контрабандой святой капитан!»

Капитан стоял за штурвалом в своей попугайской одежде, но почему-то уже не казался смешным и нелепым. Его команды были четки, движения штурвала размеренны и уверенны. Наконец, выйдя в открытое море, он передал штурвал рулевому и подошел ко мне:

– Ну что, Викор, за проезд есть чем расплатиться?

– Вот ваш золотой. Капитан Мессер, скажите, через какое время мы придем на Ранкель?

Капитан посмотрел на море, потом на небо, прикинул:

– Через час с небольшим, если не изменится погода. В море никогда нельзя ничего предсказать наверняка. Главное, нам береговую стражу не встретить – станут нос совать куда не надо, время потеряем. Может, зайдешь в кубрик? Вымокнешь тут.

– Нет... я воздухом подышу. Тут хорошо, красотища какая! – Я показал на проплывающий вдаль берег.

Вид и правда был классный – берега, заросшие густым тропическим лесом, на горизонте торчат снежные вершины гор, а чуть подальше с огромного обрыва падает синий водопад, весь в брызгах воды, сияющих радугой под лучами светила... Я никогда еще не плавал на парусном судне, и мне все было ужасно интересно. Косые паруса шхуны туго натягивались свежим ветром, она как будто взлетала на волнах – я даже подумал, что, может, у нее есть

какие-то приспособления типа подводных крыльев? Но спрашивать у капитана не стал – мало ли как он отреагирует на мои вопросы...

Час на палубе прошел незаметно, и вот уже все ближе и ближе остров Ранкель – возможно, там осуществится моя мечта.

– Слушай меня, Викор, ты парень крутой, насколько я знаю, но будь осторожен – это остров для ссылки каторжников. Они не имеют права оттуда выезжать, но жить и веселиться желают, как и все, потому развлечения у них совсем разнообразные. Например, вытряхнуть из штанов заезжего инвалида, забрав у него все деньги. Стража там есть, но такая же, как и поселенцы, – ссыльные, за провинности, за буйный характер, за воровство у товарищей, и чего только нет, что бы они не сделали. Будь настороже. Всякий человек, который тебе встретится, должен встречаться тобой как враг.

– А что вас-то сюда понесло, капитан? – задал я неосторожный вопрос.

– А это мое дело, парень, не суй нос, куда не надо! – Мессер недовольно выбил трубку о стойку леера и пошел к штурвалу.

Я сошел со шхуны на твердую землю – хотя я и недолго был в море, но меня немного покачивало. Шхуну встречали люди подозрительного вида, оглядевшие меня с ног до головы.

– Подскажите, как мне найти Амалона? – обратился я к одному из них, мужчине лет сорока, со шрамом через все лицо и пустотой вместо двух верхних зубов.

– В городе ищи... неужто думаешь, что я его в штанах прячу! – «весело» ответил громила, и все его прихлебатели угодливо захихикали. Он махнул рукой в сторону стоящих домов и отвернулся от убогого уродца, каковым в его глазах являлся я.

Я пожал плечами и заковылял к группе домов на пригорке, перед спуском в бухту. Через минут двадцать я оглянулся и увидел, как Мессер, внизу у причала, о чем-то живо беседует с этим «веселым» человеком, размахивая руками и бурно чего-то обсуждая. Я полез дальше по глинистой дороге, усыпанной камешками. Подумалось, эта дорога, похоже, в ливень превращается в глиняный каток – грязища тут непролазная. С этими мыслями я дотащился до лавки, в которой продавали абсолютно все – от ниток и иголок до муки и сахара. В лавке было пусто, сидел худой скучный продавец и неторопливо охотился за мухами, побивая их хлопашкой, представляющей собой палку с куском привязанной на конце кожи. Хлоп... хлоп... хлоп... Скука смертная – читалось в глазах этого человека.

– Скажите, где мне найти Амалона? – отвлек я его от интересного занятия.

– Амалона? – Хлоп... хлоп... – Ну дома, наверно...

– А где его дом? – с терпением, с которым, как я слышал, надо разговаривать с идиотами, продолжил я допрос.

– Дом-то? – Хлоп... хлоп... хлоп...

Я не выдержал:

– Слышь, придурок! Я сейчас эту хлопалку у тебя отберу и тебе в зад вставлю! Отвлекись от своего гребаного занятия и скажи мне, как пройти в дом Амалона! – Я наклонился над прилавком, сгреб продавца за грудки и подтянул к себе. От него пахло рыбой и нечистым телом...

– Ну не надо так сердиться! – испуганно залепетал продавец, не отрывая глаза от моего кулака, повисшего перед его носом. – Сейчас идете вдоль этого ряда домов от порта, через пять домов будет улица – повернуть направо, и третий дом справа будет дом Амалона.

Я оттолкнул продавца и вышел из лавки под тихое шипение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.